

Изъ лингвистической поѣздки въ Абхазію.

(Нъ этнологическимъ вопросамъ).

Н. Я. Марръ.

(Доложено въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія 27 февраля 1913 г.).

Поѣздка въ Абхазію не была сопряжена ни съ какими трудностями. Выѣхавъ изъ Петербурга 21-го декабря 1912 г., 25-го вечеромъ я съ моря подъѣзжалъ къ Сухуму, гдѣ цѣлый день ушелъ на выясненіе условій жизни въ селеніи Джгердѣ ((Dgarda или Dgyarda=d). У преосвященнаго Андрея¹⁾, епископа Сухумскаго, которому я писалъ раньше, я узналъ, что по его любезной просьбѣ о. Николай²⁾, членъ Переводческаго комитета, живущій на пути въ Джгерду, верстахъ въ 11-ти отъ нея, окажетъ мнѣ всякое содѣйствіе при организаціи моихъ лингвистическихъ работъ. Бесѣда въ Сухумѣ съ Дим. І. Гулією, другимъ членомъ Переводческаго комитета, бросила первые лучи на работу этого почтеннаго, въ данный моментъ, кажется, ликвидированнаго, учрежденія надъ абхазскимъ языкомъ. Въ третьей средѣ, грузинской³⁾, мнѣ рекомендовали абхаза преподавателя Н. С. Джанашію, который оказался выбывшимъ къ себѣ на родину въ Адзюбжу (Адѣбѣа) на вакаціи. Мнѣ совѣтовали не рисковать зимнею поѣздкою въ абхазское селеніе, обѣщая пригласить нужныхъ для работы абхазовъ въ Сухумъ, но у меня были основанія не измѣнять испытанному приему начинать изученіе нелитературнаго языка прежде всего съ одного діалекта, притомъ въ родной его средѣ и атмосферѣ. Рано утромъ 27-го декабря я уже ѣхалъ изъ Сухума въ фаэтонѣ мингрельца-извозчика,

1) Всѣмъ поименованнымъ лицамъ, оказавшимъ мнѣ помощь словомъ или дѣломъ, глубокое спасибо.

2) Н. Солом. Патеипа.

3) Кн. Н. К. Тавдгиридзе, И. З. Цецхладзе, докторъ А. Мачавариани и др.

сынъ котораго, какъ я потомъ узналъ, — студентъ Харьковскаго университета по медицинскому факультету. Мингрельцы въ этомъ районѣ проявляютъ большую дѣятельность въ мѣстной торговлѣ и извозѣ и не щадятъ средствъ для полученія образованія, понятно, въ утилитарныхъ цѣляхъ, какъ средства бѣльшаго заработка. О чисто духовныхъ потребностяхъ, естественно, пока не можетъ быть и рѣчи. Нагоняя многочисленныхъ русскихъ богомольцевъ и особенно богомолковъ въ Драндскій монастырь и встрѣчая возвращавшихся оттуда, извозчикъ серьезно спросилъ меня: «скажите, сударь, вы изъ Россіи, почему столько народа приходитъ сюда молиться? Развѣ дома у нихъ нѣтъ Бога?».

Я ѣхалъ въ Адзюбжу къ Н. С. Джанашии, чтобы разспросить у него про условія жизни въ Джгердѣ. Привѣтливый хозяинъ Н. С. предложилъ остаться у него дома, обѣщая окружить меня на все время моего пребыванія лучшими знатоками абхазской рѣчи. Чтобы обѣщаніе не показалось пустыми словами, онъ сейчасъ созвалъ гостившую въ селѣ абхазскую учащуюся молодежь, и я повелъ первую повѣрочную работу надъ печатнымъ матеріаломъ, но все-таки остался при мнѣніи, что изученіе абжувскаго говора абхазскаго языка слѣдуетъ вести въ отдаленной отъ проѣзжей дороги и приморья мѣстности, наиболѣе свободной какъ отъ мингрельскаго, такъ отъ иныхъ вліяній, какой рисовалось мнѣ, какъ потомъ оказалось, совершенно правильно, селеніе Джгерда. Вышло очень удачно: Н. С. Джанашия оказался родственникомъ Хабиджа Ашубы (Хабидъ Ашба), домъ котораго рекомендованъ былъ мнѣ новыми сухумскими друзьями-абхазами для стоянки въ Джгердѣ. Чтобы не терять времени, я изъ Адзюбжи хотѣлъ верхомъ проѣхать въ Джгерду: по картѣ это прямой и, казалось бы, кратчайшій путь, но хозяинъ настойчиво отговаривалъ отъ этого пути, чрезвычайно труднаго ввиду грязи. Я не совсѣмъ вѣрилъ въ неудобопроходимость намѣченнаго пути и напрасно, какъ потомъ я лично испыталъ: топкая и липкая грязь абхазскихъ путей тамъ, гдѣ нѣтъ шоссе, нѣчто неподдающееся описанію. Лошадь, ступая въ нее, съ чрезвычайнымъ трудомъ извлекаетъ изъ нея ногу, и бывають случаи, что лошадь не въ силахъ шагать, начинаетъ засасываться въ тягучую массу глинистой почвы, неопытный же всадникъ, выбившись изъ силъ надъ бесплоднымъ понуканіемъ, неосторожно слѣзаетъ съ лошади, чтобы освободить ее, и самъ начинаетъ утопать, пока на его отчаянные крики не подоспѣвають жители на помощь. Н. С. Джанашия предложилъ ѣхать въ фаэтонѣ по шоссейной дорогѣ вплоть до Тамыша¹⁾, гдѣ, кстати, можно

1) Точное произношеніе по яфетидологической системѣ транскрипціи— Тамаш.

было встрѣтиться съ о. Николаемъ и М. І. Гуліею, авторомъ единственной пока записи образчиковъ абхазской народной словесности.

Утромъ 28-го я ѣхалъ въ Тамышъ вмѣстѣ съ Н. С. Джанашиєю, рѣшившимъ сопровождать меня до своего родственника въ Джгердѣ. Н. С. Джанашия—рѣдкій типъ абхаза, освѣдомленнаго въ грузинской исторической литературѣ. Ему принадлежитъ рядъ этнографическо-археологическихъ замѣтокъ объ Абхазіи, печатавшихся въ грузинской прессѣ, между прочимъ, имъ обнародовано въ грузинскомъ пересказѣ абхазское сказаніе объ *Abərskil'ə* (ḡ: *Abəḡskil*, по Д. І. Гуліи: *Abḡskəl*), двойникъ Амираана, героя цикла грузинскихъ народныхъ сказаній.

Изъ бесѣдъ съ Н. С. Джанашиєю я узналъ, между прочимъ, о любопытной поправкѣ къ моему толкованію одного этно-эпонимнаго лпа въ арабской версіи *Крещенія армянъ, грузинъ, абхазовъ и алановъ св. Григоріемъ*¹⁾, именно *Ибйр-[е]б-зхуа*, что по моему объясняется изъ мингрельскаго языка въ значеніи «сынъ иверовъ»; Н. С. Джанашия связываетъ вторую часть не съ мингрельскимъ словомъ *squa сынъ*, а съ этническимъ терминомъ *á-zəḡu*, мн. *zəḡwāa зикхи*.

Бесѣдуя о лингвистическихъ и этнографическихъ вопросахъ, мы незаметно доѣхали до Тамыша какъ разъ въ время, такъ какъ о. Николай (рѣчь о Н. С. Патейпѣ) сидѣлъ уже на лошади и собирался ѣхать въ Сухумъ по дѣламъ. Онъ отложилъ поѣздку и подсѣлъ къ намъ въ фаэтонъ, чтобы сопровождать въ Джгерду и помогать въ моихъ работахъ. Мнѣ тѣмъ пріятнѣе было его сотрудничество, что матеріалъ, собранный Усларомъ, основанъ главнымъ образомъ на бзыбскомъ говорѣ абхазскаго языка, а о. Николай—бзыбець. Въ Тамышѣ же успѣлъ я переговорить съ издателемъ абхазскихъ текстовъ живой рѣчи, трехъ сказокъ и трехсотъ съ лишнимъ пословицъ, М. І. Гуліею, который обѣщалъ смѣнить черезъ нѣсколько дней о. Николаю, въ сотрудничествѣ со мною. Русскіе переводы сказокъ и пословицъ оказались настолько своеобразны, что безъ непосредственныхъ опросовъ самого автора трудно было, а иногда совершенно невозможно разобраться съ ихъ помощью въ абхазскомъ подлинникѣ. Въ этомъ отношеніи услуга, оказанная мнѣ М. І. Гуліею, неоцѣнима. Въ Джгердѣ, куда мы прибыли часамъ къ тремъ, на обширный дворъ насъ вышелъ встрѣтить изъ деревяннаго дома Хабиджъ Ашуба. Расцѣловавшись съ родственникомъ Н. С. Джанашиєю, онъ и меня какъ родственника обнялъ. Съ этого момента я чувствовалъ себя какъ дома, а занятія мои наладились такъ быстро, точно я возобно-

1) Стр. 172.

вилъ прерванную работу, а не впервые принимался за нее въ Джгердѣ. Сочувствіе и всяческое содѣйствіе абхазовъ моимъ работамъ было безпримѣрное. Ничего подобнаго ни почти враждебному отношенію лазовъ въ Лазистанѣ при изученіи чанскаго языка, ни въ большинствѣ равнодушному отношенію свановъ, когда занимался сванскимъ. Абхазы чрезвычайно цѣнятъ свой родной языкъ, и всякое вниманіе къ нему вызываетъ у нихъ восторгъ. Не говоря о необычайномъ гостепримствѣ, хозяева внимательно слѣдили, чтобы у меня все время были въ распоряженіи объекты изслѣдованія джгердской абхазской рѣчи. Если не сами они, то сосѣди терпѣливо высиживали часами у меня въ комнатѣ, стараясь удовлетворить моимъ вопросамъ. Въ качествѣ освѣдомленныхъ источниковъ о. Николая и М. І. Гулію смѣнили о. Савва¹⁾, священникъ изъ сосѣдняго села Квитоули, кн. Ачба или Апчабадзе, о. Дмитрій изъ селенія Чилоу и извѣстный лингвистъ-самоучка П. Г. Чарая, пріѣхавшій изъ Очемчира. Къ этому надо прибавить, что всѣ дни моего пребыванія, около двухъ недѣль, въ Джгердѣ я слышалъ кругомъ сплошь абхазскую рѣчь и только абхазскую. На обратномъ пути я остановился въ Адзюбжѣ въ домѣ Н. С. Джанашии и его брата, гдѣ добрую часть собраннаго лексическаго матеріала имѣлъ возможность провѣрить снова на собраніи изъ семнадцати мѣстныхъ абхазовъ, въ числѣ которыхъ былъ великолѣпный знатокъ родной рѣчи кн. Кичина, онъ же Александръ, Сасырковичъ Марганія. Я имѣлъ возможность убѣдиться, что записи мои въ общемъ удовлетворительны и могутъ лечь въ основаніе дальнѣйшихъ работъ надъ абхазскимъ языкомъ.

Прибывъ въ Сухумъ, наканунѣ выѣзда сюда я провелъ вечеръ среди мѣстной абхазской интеллигенціи: ихъ, абхазовъ, оказалось всего на всего нѣсколько человекъ во всемъ городѣ. Абхазы давно оттиснуты пришлыми элементами вообще отъ приморья, а особенно отъ Сухума. Тѣ, съ которыми я велъ бесѣду, всѣ горячо заинтересованы изученіемъ родной рѣчи, но, къ сожалѣнію, не располагаютъ ни теоретическою подготовкою, ни досугомъ и средствами, чтобы предаться методическому и планомѣрному занятію абхазскимъ языкомъ. Практическаго знанія и цѣнныхъ и для теоретика наблюдений надъ родной рѣчью у нихъ масса, и я очень жалѣлъ, что не могъ въ первый же пріѣздъ достаточно использовать ихъ знанія.

Сочувственное отношеніе абхазовъ и ихъ безкорыстная готовность содѣйствовать моей работѣ надъ родною ихъ рѣчью, знакомство и всяческое содѣйствіе почти всего состава Переводческаго комитета, вообще столь бла-

1) С. Сем. Кація.

гопріятно сложившіяся обстоятельства принесли свой плодъ. Практически я достигъ лишь того, что къ концу пребыванія я сталъ въ значительной степени понимать живую абхазскую рѣчь джгердскаго говора, для научной же моей цѣли мнѣ удалось сдѣлать больше, чѣмъ я предполагалъ: я сличилъ весь лексическій матеріаль, собранный Усларомъ, и дополненія къ нему въ работѣ П. Г. Чараи, удвоилъ этотъ матеріаль новыми, раньше не записывавшимися словами, проанализировалъ изданныя сказки и болѣе половины пословицъ и поговорокъ, выяснилъ рядъ морфологическихъ и особенно очень сложныхъ синтаксическихъ явленій абхазскаго языка, запаса спискомъ абхазскихъ фамилій, равно мужскихъ и женскихъ именъ, точность записи которыхъ успѣлъ лично проверить.

Мусульманскихъ именъ больше, чѣмъ христіанскихъ, даже христіанскія календарныя имена чаще въ мусульманской формѣ, напр. то Еѳуѳ, то Уаѳуѳ (Яковъ, ср. Чарая, ц. с., § 5, 13: Yəkwəb) и др.

Абхазскія имена своеобразны; много мужскихъ именъ сложныхъ со словомъ *ѳу*, означающимъ *удѣлъ*:

Asəḡu	Ҩанаḡu
Abdàḡu	Ҩerantəḡu (= Kyerantəḡu)
Dansəḡu (= Dyansəḡu)	Màḡu
Наbàḡu	Ҩамщəḡu.

Въ числѣ абхазскихъ фамилій есть рядъ этническаго происхожденія, какъ то *Ашва*, что значитъ *кабардинецъ*, *Zuḡba сынъ Зикха*, что говоритъ о зикхскомъ происхожденіи этого дома; есть фамилія *Ашпанва*, что значитъ *сваны*¹⁾; лазскаго или чанскаго происхожденія двѣ фамиліи *Tàn-ba* (мн. *Tanàà*) и *Lazba* (поздній этническій терминъ *laz* находится также въ составѣ абхазскаго имени *Laznəḡu*, ср. *Nəḡu*), осскаго или осетинскаго происхожденія двѣ абхазскія фамиліи, одна въ мингрельской формѣ—*Osia*, другая въ абхазской *Ozba* (< *Os-ba*); чрезвычайно любопытно, что существуетъ абхазская фамилія аланскаго происхожденія въ мингрельской формѣ *Alapì-a* не только въ Джгердѣ, но и въ Лыхнахъ; одинъ дворъ съ названіемъ *Alap* имѣется и въ Тамышѣ.

Изъ фамилій нельзя не указать ввиду историческаго ея значенія на *Gubaz*: существующій родъ съ этимъ названіемъ, по всей вѣроятности, иной, чѣмъ древній; онъ не играетъ никакой роли, но слѣды большого значенія рода съ тѣмъ же названіемъ находимъ въ географической номенклатурѣ далеко

1) Въ Джгердѣ фамилія *Шепва* значитъ то же самое, т. е. *сваны*.

за предѣлами нынѣшней Абхазіи, именно въ Гуріи; здѣсь по названію этого рода окрещена рѣка, впадающая въ Суісу: зовется ჯუბა-ჯეჯე Gubaz+o-ul-i. Историческій же интересъ, связанный съ этимъ терминомъ, состоитъ въ томъ, что подъ такимъ именемъ извѣстенъ рядъ лазскихъ царей; въ греческомъ костюмѣ это имя — Γοβάζης или Γοβάζης, въ *Грузинскихъ летописяхъ* — ჯუბაძე Guba-dē.

Если правильна грузинская передача ჯუბაძე Guba-dē, къ которой при-мыкаетъ и греческая форма Γοβάζης (Γοβάζης), нарощимъ ძე dē сынъ прикрывается абхазская фамилія на ba: терминъ gu-ba въ такомъ случаѣ могъ бы означать «сынъ сердца».

Въ настоящее время Gubaza — крестьянская фамилія въ Гудаутскомъ участкѣ, на нее кромѣ грузинскаго z (< dē) успѣло параста мингрельское va, въ абхазскомъ теряющее губной v: м. Gubaza-va > абх. Gubaza-à¹⁾, но рядомъ съ этимъ употребляется форма съ вторичнымъ нарастаніемъ абхазскаго -ba: A-gubaz-bà (форма единичности Gubazbak, мн. Gubazaà).

Къ переживаніямъ историческихъ именъ относится и Рақиг, столь излюбленное въ формѣ Вақиг въ средѣ грузинскихъ царей, а въ формѣ Рагот извѣстное какъ имя лазскаго царя.

Въ линіи географическихъ названій отложенія абхазскаго языка также намѣчаются на югѣ, гдѣ теперь господство картскихъ племень; я назову сейчасъ село ზობაძე (грузинизованное, по всей видимости, абхазское слово ზობა ზი-ba) въ Гуріи, и значительно южнѣ სბა ან-ღა (по-абхазски, какъ увидимъ, долженствовавшее означать *богъ Небо*), названіе монастыря, куда привезена была по легендѣ сирійцами нерукотворная икона Спасителя, въ честь которой возникла и Анчис-хатская (Анчхатская) церковь въ Тифлисі.

Въ началѣ я очень старался захватить съ собою на работу абхазскій переводъ Евангелія, объ окончаніи печатаніемъ котораго я узналъ лишь по приѣздѣ въ Сухумъ. Несмотря на всѣ старанія, раздобыть экземпляръ его тогда не удалось. Постепенно я узналъ объ условіяхъ, въ которыхъ самоотверженно исполнялась эта труднѣйшая задача, и я былъ радъ, что работѣ надъ абхазскимъ текстомъ Евангелія не пришлось отвлечь меня отъ наблюденій надъ живымъ абхазскимъ языкомъ.

На абхазскомъ языкѣ, кромѣ Евангелія, имѣется теперь небольшая печатная литература — богослужебная и вообще христіанско-миссіонерская, какъ то: *Требникъ* (Тифлисі 1907), *Литургія Іоанна* (Тифлисі 1907), *Молитвы, X Заповѣдей и присяжный листъ* (Тифлисі 1910), *Важнѣйшіе*

1) Впрочемъ въ абхазскомъ мн. на а-«а» можетъ восходить къ а-«га».

праздники православной церкви (Тифлисъ 1910); учебная, какъ-то: *Книга для чтенія на абхазскомъ языкѣ для абхазскихъ училищъ* (2-е изд., Тифлисъ 1911), Ф. Х. Эшибая, *Сборникъ ариѳметическихъ задачъ для абхазскихъ начальныхъ училищъ* (2-е изд., Тифлисъ 1911); народно-популярная, какъ то: *Береженаго и Богъ бережетъ. — Чесотка. — Оспа. — Холера*, перевелъ на абхазскій языкъ благочинный, прот. Д. Маргани (Тифлисъ 1910), О. И. Ускова, *Краткое руководство къ разведенію гусей*, перев. на абхазскій языкъ смотритель Лыхненскаго 2-кл. училища Н. С. Патейпа (Тифлисъ 1910), *Болъзни домашнихъ птицъ и ихъ лѣченіе*. Общедоступный лѣчебникъ, собралъ и составилъ птицеводъ-практикъ В. В. Сабинецкій. Перевелъ на абхазскій языкъ смотритель Тамышскаго 2-кл. нормальнаго училища Д. І. Гулія (Тифлисъ 1910), Н. Патейпа, *Краткое руководство по шелководству* (Тифлисъ 1911)¹⁾.

Весь этотъ печатный матеріалъ пришлось отложить въ сторону прежде всего потому, что принятая транскрипція по существу дефектна. Самое использование русскаго алфавита ведетъ къ ряду недоразумѣній, которыя, если опѣивать съ педагогической стороны, скорѣе способны мѣшать, чѣмъ содѣйствовать правильному усвоенію русской грамоты. Такъ, напр., абхазское э, лат. e=ъ транскрибируется русскимъ «е», а ижица — использована какъ начертаніе абхазскаго звука «ә», въ значеніи краткаго «й» одно время пользовались лат. j, а теперь ни полугласный у=э, ни полугласный w=з не имѣютъ въ русской транскрипціи особаго начертанія: ихъ передаютъ простымъ і и у.

При такихъ условіяхъ пользоваться печатнымъ абхазскимъ текстомъ можно, или будучи абхазомъ, или хорошо зная фонетическія особенности, да и лексику абхазскаго языка.

То же самое наблюдаемъ и въ абхазскомъ текстѣ Евангелія, впрочемъ не по недосмотру, а какъ сознательный, и теперь защищаемый авторами приѣмъ. «Полугласныхъ не отличали мы отъ гласныхъ», говорилъ мнѣ одинъ изъ переводчиковъ, «потому, что одинъ и тотъ же звукъ въ различныхъ условіяхъ бываетъ различнымъ, напр. и, характеръ 2-го лица, передъ согласнымъ — гласный, а передъ гласнымъ — полугласный, но, изображая ихъ одинаково, мы правильно указываемъ, что они — разновидности одного и того же и».

Переводя евангельскій текстъ, переводчики часто оказывались въ весьма затруднительномъ положеніи отчасти и отъ особенностей абхазскаго языка, такъ, напр., въ абхазскомъ нѣтъ порядковыхъ числительныхъ, и когда въ

1) Статья была сверстана, когда я получилъ сборникъ стихотвореній Д. І. Гулія на абхазскомъ языкѣ, изданіе Общества распространенія просвѣщенія среди абхазовъ (Тифлисъ 1912).

Мо 20,27 пришлось столкнуться со стихомъ «И кто хочетъ между вами быть первымъ, да будетъ вамъ рабомъ», то *быть первымъ* вынуждены были перевести словами аѣѣа-гѣлара = аѣѣа-гѣлара¹⁾ *спереди стоять*.

Большое затрудненіе представило переводчикамъ и начало стиха Ин 4,24 «Богъ есть духъ». Тутъ затрудненіе возникло на почвѣ полного созвучія словъ, означающихъ *духъ* и *мертвецъ*²⁾. Въ бзыбскомъ говорѣ эти слова еще различаются: аѣсѣ *духъ* и аѣсѣ *мертвецъ*, а въ абжувскомъ говорѣ аѣсѣ означаетъ и *духъ*, и *мертвецъ*, между тѣмъ въ составѣ Переводческаго комитета большинство было абжувцевъ, да кромѣ того рѣшено было во избѣжаніе осложненія алфавита не вводить тонкостей бзыбской фонетики, и названный стихъ въ такомъ абхазскомъ переводѣ могъ быть понятъ и «Богъ есть духъ» и «Богъ есть мертвецъ». Мусульмане не упускаютъ случая распространять, что христіане поклоняются мертвому Богу, и великъ былъ соблазнъ, рассказывали мнѣ, когда христіанскій пастыръ использовалъ въ словѣ съ амвона въ церкви стихъ Ин 4,24 въ упомянутомъ переводѣ, который молящіеся поняли «Богъ есть мертвецъ».

Добрая часть затрудненій возникала отъ того, что поставлена была несвоевременная задача, для выполненія которой не было никакой серьезной подготовительной работы. Золотыя слова Услара забыты. Еще въ 1862-мъ году онъ писалъ: «Сказки, пѣсни, поговорки, живущія въ устахъ народныхъ, составляютъ единственный, вполне надежный, ничѣмъ постороннимъ незасоренный источникъ къ изученію языка. Собраніе всего изустно-живущаго въ народѣ должно составить первый письменный памятникъ, послѣ созданія азбуки»³⁾. «Одни даже повседневные разговоры, будучи записаны, — доставятъ данныя, которыхъ тщетно стали бы мы отыскивать въ преждевременныхъ переводахъ съ русскаго»⁴⁾.

Еще болѣе затруднялось дѣло отсутствіемъ грамматики абхазскаго языка. Возлагая при такихъ условіяхъ на Переводческій комитетъ изъ трехъ лицъ переводъ Евангелія, инициаторы дѣла обязывали ихъ не только переводить на абхазскій языкъ, но и выработать свой собственный, обсужденный въ трехъ лицахъ, искусственный или такъ называемый литературный абхазскій языкъ. Несомнѣнно, было допущено сочинительство и въ отношеніи словъ, заставившее переводчиковъ составить себѣ особый словарь

1) аѣѣа-гѣлара.

2) Н. Марръ, *Лет. элементы въ языкахъ Арменіи*, V, стр. 179 слѣд.

3) Усларъ, *Этнографія Кавказа. Языковѣдѣніе. Абхазскій языкъ* (изд. Управл. Кавк. учебн. округа, Тифлисъ, 1887), стр. 103.

4) Ц. с., стр. 104.

чикъ абхазскихъ словъ или совершенно новыхъ, сочиненныхъ, или съ новыми для нихъ значеніями.

Вообще мнѣ бросилось въ глаза, что переводческое дѣло, какъ и вся новая миссіонерская дѣятельность въ Абхазіи, строится не на исторической основѣ: миссіонерство и не искало ея. Въ этомъ отчасти повинны, повидимому, сами абхазы.

Судя по моимъ впечатлѣніямъ отъ бесѣдъ съ рядомъ интеллигентныхъ абхазовъ, въ абхазской средѣ существуетъ мнѣніе, что христіанство оставило весьма мало слѣдовъ въ коренной народной массѣ Абхазіи. Дѣйствительно, христіанство, вносившееся въ Абхазію и съ запада, изъ Византіи, и съ востока, изъ Грузіи, можетъ при первомъ поверхностномъ взглядѣ гордиться скорѣе архитектурными памятниками, чѣмъ религіознымъ строительствомъ въ душахъ коренныхъ абхазовъ. Остатки архитектурныхъ памятниковъ Абхазіи, иногда лишь жалкія развалины, не могутъ ускользнуть и отъ вниманія малопосвященныхъ въ культурную исторію Кавказа. Нерукотворный же памятникъ, возводившійся древнимъ христіанскимъ миссіонерствомъ въ Абхазіи, требуетъ болѣе вооруженнаго соотвѣтственнымъ знаніемъ зрѣнія для правильныхъ наблюденій надъ нимъ. Нѣтъ спора, что въ странѣ, гдѣ христіанская церковь пользовалась языками, недоступными массѣ населенія, сначала греческимъ, потомъ грузинскимъ, она могла рассчитывать на, такъ сказать, демократическій успѣхъ лишь по мѣрѣ приобщенія «демоса» къ одному изъ языковъ желавшей господствовать религіи. Кромѣ того, и достигнутые такимъ труднымъ путемъ успѣхи христіанства были затѣмъ въ значительной мѣрѣ ослаблены господствомъ мусульманскихъ правителей и вліяніемъ ислама, и тѣмъ не менѣе сѣмена, брошенные древне-христіанскимъ миссіонерствомъ и въ свое время давшія обильные всходы, не заглохли: во многихъ сторонахъ жизни, въ нѣкоторыхъ праздникахъ и обычаяхъ, а равно въ рѣчи — въ названіяхъ нѣкоторыхъ дней и нѣкоторыхъ мѣсяцевъ, они сказываются до сихъ поръ, несмотря на мусульманскій налетъ на верхахъ и сильныя языческія переживанія внизу, въ простонародіи. Эти христіанскіе элементы слѣдовало выяснить, собрать и использовать прежде всего въ переводахъ, если новое христіанское миссіонерство хотѣло бы быть продолжателемъ дѣла древне-христіанскихъ миссіонеровъ. Ставшія народными абхазскими формы христіанскихъ именъ устранены, такъ Іисусъ Христосъ вм. народнаго *Yësa Qrìsta* и т. п.

Въ значеніи церкви у абхазовъ принято мингрельское слово *a-oqʷama* (этотъ христіанскій терминъ мингрельской чеканки распространенъ и въ известной части Сваніи), но переводчики рѣшили освободиться отъ мингрелизма,

замѣнивъ его абхазскимъ *anəḥarḡa*, между тѣмъ, послѣднее значить собственно *богомоліе*; затѣмъ попробовали было ставить вмѣстѣ оба термина *anəḥarḡa-aoḡwata*, а въ концѣ концовъ, бросивъ и мингрельское и коренное абхазское слово, использовали никому по-абхазски непонятное греческое *ekklesia* (напр. МѠ. 16, 18).

Откинувъ ставшіе народными христіанскіе термины грузинскаго, мингрельскаго или иного происхожденія, переводчики однако удержали вкладъ ислама въ абхазскую рѣчь, напр. *ḡahaḡəm adz* (МѠ 16, 18) и десятокъ другихъ.

Мнѣ говорили, будто была инструкція переводить не по смыслу и согласно духу абхазскаго языка, а по буквѣ, придерживаясь рабски славянскаго текста и духа его языка.

Послѣ всего этого будетъ понятно, почему я нашелъ неудобнымъ изученіе абхазскаго языка основывать на абхазскомъ текстѣ Евангелія и вообще на переводныхъ текстахъ. Пока опасуюсь вносить изъ нихъ лексическій матеріалъ въ абхазско-русскій словарь.

Естественно, работая надъ записью живыхъ матеріаловъ абхазской рѣчи, я уже на мѣстѣ замѣчалъ, въ какую сторону ослабляютъ или усиливаютъ они мой взглядъ на положеніе абхазскаго языка среди яфетическиххъ, и частью этихъ попутно всплывавшихъ мыслей я и подѣлюсь, хотя до окончательнаго сужденія по вопросу еще далеко, для этого отнюдь недостаточно и исчерпывающей разработки собраннаго матеріала. Этотъ матеріалъ, во-первыхъ, количественно представляетъ, если не каплю, то все-таки нѣчто слишкомъ незначительное сравнительно съ тѣмъ, что надлежитъ собрать; во-вторыхъ, его слѣдуетъ провѣрить на мѣстахъ еще по двумъ, а то и по тремъ говорамъ, не говоря о подговорахъ.

Абхазскій языкъ нынѣ распадается на три главныхъ говора: бзыбскій на сѣверѣ, самурзаканскій на югѣ и абжувскій въ средней части, однимъ изъ лучшихъ хранителей котораго является селеніе Джгерда¹⁾.

О составѣ звуковъ абхазской рѣчи знакомые съ фонетикою яфетическиххъ языковъ могутъ получить въ большинствѣ реальное, а въ отношеніи специфическиххъ ея звуковъ хотя приблизительное представленіе по прилагаемой таблицѣ (табл. I)²⁾. Спѣшу обнародованіемъ ея, такъ какъ въ первомъ

1) Судя по собранному мною даннымъ, эта діалектологическая терминологія можетъ быть значительно подробнѣе развита.

2) Послѣ смягченныхъ согласныхъ, въ транскрипціи снабжаемыхъ подстрочнымъ знакомъ *˙*, обязательна іотація гласныхъ, такъ что для полноты передачи этихъ звуковъ къ нимъ слѣдовало бы прибавить полугласный «у», напр. *gy, zy, ju* и т. п. Съ другой стороны, можно бы въ такихъ случаяхъ довольствоваться іотаціею послѣдующихъ гласныхъ, т. е.

моемъ опытѣ¹⁾), основанномъ не на личныхъ наблюденіяхъ, имѣются непосредственности въ примѣненіи яфетидологической системы транскрипціи и въ связи съ ними неточности. Къ составу звуковъ абхазскаго языка еще одно замѣчаніе: специфическій губной звукъ, о которомъ писалъ П. Г. Чарая²⁾, дѣйствительно, оказался, но ни бзыбцы, ни первые опрошенные мною абжувцы его не знали: его слышалъ я первый разъ отъ о. Дмитрія Какали, священника села Тәлов, родомъ изъ Моѣвъ (потомъ и отъ нѣкоторыхъ тамыщцевъ) въ словѣ а-ра *тонкій*, въ его произношеніи — *ауа*. Этотъ взрывной *у* произносится также пропускомъ воздуха между губъ, но передъ его произношеніемъ недостаточно соприкосновенія ихъ, а требуется плотное наложеніе верхней губы на нижнюю, заходящую внутрь подъ верхніе зубы, причемъ звукъ получается разрывомъ плотно сложенныхъ губъ.

Я обхожу въ настоящей стѣтѣ молчаніемъ все то, чему мѣсто въ систематическомъ изложеніи грамматики и исторіи абхазскаго языка или въ матеріалахъ для нихъ. Не останавливаюсь также на новыхъ деталяхъ, подтверждающихъ связь абхазскаго съ хайскимъ языкомъ Арменіи и сванскимъ, а равнымъ образомъ съ языкомъ 2-й категоріи Ахеменидскихъ клинообразныхъ надписей.

Фактическія подробности вынудили меня подвергнуть пересмотру послѣднюю редакцію яфетической теоріи въ части о взаимномъ отношеніи яфетическихъ языковъ и внести въ нее нѣкоторую поправку (см. табл. II). Эта поправка давно назрѣвала, и поѣздка въ Абхазію лишь помогла ускорить ея формулировку. Одновременно выяснилась необходимость перехода въ названіяхъ различныхъ типовъ яфетическихъ языковъ, родовъ и видовъ отъ этнической терминологіи къ чисто лингвистической, во избѣжаніе осложненія совершенно ясной лингвистической перспективы далеко невыясненной этнологической съ ея разнообразіемъ терминовъ, часто многихъ для одного и того же понятія³⁾.

ограничиваться прибавкою къ смягчаемымъ согласнымъ полугласнаго «у», напр. *гу, зу, лу* и т. п., подразумѣвая безъ указанія въ начертаніи самихъ согласныхъ ихъ неизбежное въ такихъ случаяхъ смягченіе. Дальнѣйшая работа выяснитъ какъ цѣлесообразность того или иного приема, такъ болѣе соответственную передачу еще двухъ, трехъ звуковъ, именно №№ 36, 37, 54.

1) У П. Г. Чарая, *Объ отношеніи абхазскаго языка къ яфетическимъ*, II, стр. 55—56. Изъ недосмотровъ въ моей собственной работѣ *О положеніи абхазскаго языка среди яфетическихъ* спѣшу здѣсь указать на случай принятія *i >* (послѣ гласнаго) «у» въ выраженіи *абе-у, афе-у* и т. п. на стр. 11, хотя и гадательно, за суффиксъ *Р. падежа*, тогда какъ въ данныхъ примѣрахъ это союзъ *и* (русск.), наличный въ томъ же видѣ *i* и въ сванскомъ.

2) ц. с., § 11, стр. 56, прим. 1.

3) Слѣдившимъ за яфетидологической литературою не будетъ трудно понять, что въ основу дѣленія на группы положенъ одинъ изъ основныхъ законовъ сравнительной яфетической фонетики, какъ онъ сказывается между прочимъ и въ падежныхъ окончаніяхъ.

Абхазскій языкъ двумя особенностями вынудилъ къ этой поправкѣ: образованіемъ мн. числа на *q* ($> \dot{q}$) и истертостью корней, которая сначала мнѣ казалась цѣликомъ благопріобрѣтенной имъ па новой родинѣ. Истертость корней раздѣляется абхазскимъ съ другими яфетическими языками, притомъ далеко отстоящими отъ предѣловъ современной Абхазіи и сохранившимися въ наиболѣе древнихъ памятникахъ, именно въ клинообразныхъ надписяхъ. Принимая во вниманіе эту истертость, присущую однимъ, но чуждую другимъ яфетическимъ языкамъ, два типа образованія мн. числа, къ которымъ восходятъ всѣ другія разновидности и съ каждымъ изъ которыхъ связаны и нныя морфологическія особенности, я вынужденъ фактами признать два развѣтвленія яфетическихъ языковъ, одно — *-п-* развѣтвленіе, другое — *-q-* развѣтвленіе: *-п-* развѣтвленіе составляютъ *-s-* группа, куда относится картскій языкъ, лежащій въ основѣ грузинскаго, и *-ш-* группа, такъ называемая тубал-каинская, куда относятся мингрельскій и лазскій языки; къ *-q-* развѣтвленію относится основной яфетическій слой абхазскаго языка и яфетическій языкъ до-арійской Арменіи, отложившійся въ арізованномъ хайскомъ или древне-литературномъ языкѣ названной страны. Что касается языка 2-й категоріи Ахеменидскихъ клинообразныхъ надписей, языка ванскихъ клинообразныхъ надписей и сванскаго языка, то они представляютъ яфетическіе языки мѣшанаго типа. По истертости корней всѣ они относятся къ *-q-* развѣтвленію, по образованію же мн. числа къ *-п-* развѣтвленію, расходясь однако въ томъ, что языкъ 2-ой категоріи мн. число образуетъ по разновидности *-ш-* группы, а языкъ ванскихъ клинообразныхъ надписей и отчасти сванскій въ образованіи той же формы ближе стоятъ къ *-s-* группѣ или полностью совпадаютъ съ нею.

Однимъ изъ характернѣйшихъ примѣровъ того, насколько истертъ абхазскій языкъ, можетъ служить фамилія весьма древняго княжескаго рода Margania: въ фамиліи мы имѣемъ два образовательныхъ суффикса, одинъ, позднѣйшій, — мингрельскій на *-ia* ($< -i-va$), а другой, наличный и въ сванскихъ фамиліяхъ (*ān*), — *-an*. Оставшаяся основа *mag* представляетъ яфетическаго происхожденія хайское слово, сохранившееся въ грузинскомъ въ значеніи *звѣзды*¹⁾. Фамилія буквально значитъ «сынъ звѣзды», т. е. то, что въ арамейскомъ мѣрѣ Баркоба (Бар-коѣба). Эта фамилія не одна астральнаго происхожденія среди абхазскихъ. Въ абхазскихъ фамиліяхъ чисто абхазскимъ суффиксомъ для ихъ образованія является слово *pa* ($> va > pa$) *сынъ*, часто затем-

1) * *mag-i* въ $\text{𐌆𐌆𐌆𐌆} \text{ me-marg-e-u}$ *звѣздоцетъ* (Н. Марръ. *Яфетическое происхожденіе армянскаго* [слѣдовало бы *хайскаго*] *слова margareu* пророкъ, И. А. Н., 1909, стр. 1057, 12, а и в.

няемое наращением грузинского $\text{d}_j \text{de}$ *сынъ*¹⁾, такъ, напр., абхазское $\text{A}\text{d}\text{ba}$, княжеская фамилія; кстати, оно означаетъ не «сынъ коня» или «коневъ» отъ слова $\text{a-d}\text{d}$, въ какомъ случаѣ фамилія звучала бы * $\text{A}\text{d}\text{d}\text{ba}$; происходитъ оно отъ тубал-каинскаго da *небо*: съ абхазскимъ префиксомъ оно должно бы звучать * $\text{a-d}\text{a}$, но при сложеніи съ -ba префиксъ a- долженъ былъ исчезнуть, и если однако звукъ a- держится, то онъ, вѣроятно, иного происхожденія. И, дѣйствительно, въ грузинскомъ та же фамилія представлена въ видѣ $\text{sb}\text{b}\text{d}\text{s}\text{d}_j \text{An}\text{d}\text{aba-d}\text{e}$, и хотя конечнымъ -de и затемняется абхазское происхожденіе фамиліи, но въ этомъ заимствованномъ грузинами видѣ древняя абхазская форма ($\text{An}\text{d}\text{aba}$) сохранилась полнѣе, чѣмъ въ нынѣшнемъ абхазскомъ $\text{A}\text{d}\text{ba}$. И вотъ основа этой древней формы сохранила не только непочато слово -ш- группы — da *небо*, но въ качествѣ приложенія къ нему чрезвычайно любопытное слово an *богъ*, которое въ абхазскомъ появляется обыкновенно какъ *plurale tantum* $\text{an}\text{d}\text{a}$ *богъ*, собственно *боги*²⁾. Слѣдовательно, княжеская фамилія $\text{An}\text{d}\text{aba}$, нынѣ $\text{A}\text{d}\text{ba}$ могла бы означать «сынъ бога Неба»³⁾. Соответственно этому въ гурійской фамиліи $\text{To}\text{t}\text{p}\text{b}\text{ad}\text{ze}$ $\text{d}\text{od-i-ba-d}\text{e}$ имѣемъ грузинизованную форму абхазской фамиліи $\text{d}\text{od-ba}$ ⁴⁾, произведенной съ абхазскимъ суффиксомъ ba отъ тубал-каинскаго dod ($\text{||}\text{d}\text{u}\text{d}$), долженствовавшаго означать *мѣсяцъ*, «*луна*» (ср. м. и ч. odod dud — *луна*): фамилія эта, слѣдовательно, могла бы означать «сынъ мѣсяца» или такъ называемаго мужскаго бога «луна».

Но возвращаюсь къ вопросу объ истертости абхазскаго языка, для иллюстраціи которой и приведена фамилія Margania : въ абхазскомъ она появляется безъ мингрельскаго нароста -ia , но съ утратою группы rg въ видѣ Maan ($< \text{Marg}\text{an}$), мн. $\text{Ma}\text{an}\text{a}\text{a}$.

Къ связи съ языками Арменіи упомяну здѣсь лишь объ одномъ новомъ наблюденіи семасіологическаго характера, именно о томъ, что въ абхазскихъ числительныхъ, когда они стоятъ самостоятельно, появляется суффиксъ -ba , напр. $\text{q}\text{u}\text{ba}$ *пять*, но основа его qu , отсюда qup *ѣ пять разъ*, $\text{q}\text{u}\text{p}\text{t}$ *пятьсотъ* и т. п. Слово ba (геср. pa или fa) въ качествѣ суффикса значитъ *сынъ*, съ его помощью образуются абхазскія фамиліи, но въ числительныхъ его появленіе кажется совершенно непонятнымъ, если не обратить вниманія на

1) Точнѣе, сохранившагося въ грузинскомъ *сынъ*, такъ какъ коренное, т. е. картское слово въ значеніи *сынъ* въ грузинскомъ $\text{d}\text{a}\text{d}\text{w}\text{il-i}$, а $\text{d}_j \text{de}$ вмѣстѣ съ глаголомъ $\text{d}_j \text{de}\text{na}$ *приобрѣтать, рождать* представляетъ заимствованіе, пожалуй, изъ сванскаго (ср. корень dp въ $\text{li-d}\text{v}\text{eni}$ *рожденіе, рождать*, $\text{le-d}\text{pe}$ *родимый*, $\text{li-d}\text{pe}$ *рождаться*, лент. говоръ $\text{li-d}\text{eni}$).

2) П. Чарая, ц. с., § 10, 65.

3) da появляется и въ составѣ мужскаго имени dagu .

4) или $\text{d}\text{od i-ba}$, въ какомъ случаѣ i- — префиксъ отношенія къ опредѣляющему слову (dod).

то, что абхазскій не имѣетъ порядковыхъ числительныхъ, какъ будто ихъ не имѣлъ никогда или утратилъ безслѣдно, на самомъ же дѣлѣ онъ утратилъ понятіе о порядковыхъ числительныхъ, сохранивъ ихъ формально, и въ числительныхъ въ сложеніи со словомъ *ba*, означающимъ *сынъ*, имѣемъ переживаніе абхазскихъ порядковыхъ числительныхъ; въ языкахъ Арменіи, и въ гайскомъ, и въ армянскомъ такъ, именно съ помощью слова *որդ* *ord*, остатка *որդի* *ordî сынъ*, образуются порядковыя числительныя отъ количественныхъ, напр. *հինգ* *hing пять* — *հինգերորդ* *hinger-ord пятый*, буквально *сынъ пяти*¹⁾.

Здѣсь не вхожу въ детали языковыхъ явленій, имѣющихъ хотя и большое значеніе, но исключительно для науки объ языкѣ, для лингвиста-сравнителя или историка языка. Остановлюсь я на двухъ, трехъ явленіяхъ, имѣющихъ значеніе для археологіи Кавказа, поскольку археологія заинтересована въ правильномъ освѣщеніи этнологическихъ вопросовъ, и прежде всего для крупной очередной проблеммы объ иммиграціи яфетическихъ племенъ и народовъ съ юга на Кавказъ, объ ихъ расселеніи и взаимномъ треніи.

Что абхазы и сваны двигались съ юга на сѣверъ, въ общихъ штрихахъ намѣчено уже мною какъ въ печатной работѣ *Исторія термина «абхазъ»*²⁾, такъ и въ докладѣ, читанномъ въ ноябрьскомъ засѣданіи Археологическаго Общества «Изъ поѣздокъ въ Сванію»³⁾. Тогда же выяснялось, что, напр., сванское вліяніе сказалось въ грузинскомъ древне-литературномъ языкѣ, и его отнюдь нельзя объяснять вліяніемъ загнанныхъ въ Кавказскія горы свановъ на рѣчь грузинъ, а приходится учесть, какъ доказательство наличности на южной окраинѣ Грузіи сванскаго языка или сильно насыщеннаго сванскими элементами какого либо говора картскаго, т. е. грузинскаго языка еще въ эпоху, когда слагалась древне-грузинская христіанская письменность, значить по традиціонному представленію — въ V-мъ вѣкѣ.

Такое же значеніе мы придаемъ отложеніямъ абхазской рѣчи въ различныхъ говорахъ грузинскаго, точнѣе картскаго языка, да и въ древне-литературномъ грузинскомъ.

Въ послѣднемъ любопытно отмѣтить такой малозаимствуемый терминъ, какъ названіе одного изъ четырехъ временъ года, изъ древне-грузинскаго перешедшее и въ новый. *Лето* по-грузински звучитъ *ზაფხული* *zafqul-i* (**zafqun*); это абхазское слово *à-фѣп*, но эпохи до перебоя сибиланта ш (въ

1) Н. Марръ, *Грамматика древне-армянскаго языка*, § 150. Любопытно, что въ живыхъ армянскихъ нарѣчіяхъ, напр. въ мохскомъ, порядковыя числительныя также утрачены.

2) И. А. Н., 1912, стр. 697—706.

3) Печатается въ Христ. Вост., 1913.

грузинскомъ s префикса sa) въ спирантъ, въ наличномъ абхазскомъ исчезнувшей, и до ослабленія первоначальнаго u въ ирраціональный ə¹).

Болѣе общее значеніе имѣеть абхазское образованіе мн. ч. на -га въ значеніи собирательнаго слова (*роуца, тьсз* и т. п.) въ названіяхъ деревьевъ, такъ

à-φsa <i>ель</i>	мн. à-φsa-га	аіп <i>бука</i>	мн. аіп-га
al <i>ольха</i>	» àlə-га	аѣà <i>липа</i>	» аѣа-га
аd <i>дубъ</i>	» àd-га	и др.	

Абхазское a-d *дубъ*, т. е. основа d съ префиксомъ a-, въ сванскомъ отложилось въ болѣе полной и древней формѣ з^оз̄ dīh въ значеніи *желудь*, и, слѣдовательно, оно отнюдь не можетъ быть отнесено къ заимствованіямъ изъ наличнаго абхазскаго въ сванскій, но, что еще болѣе любопытно, отъ сванскаго з^оз̄ dīh образуется въ сванскомъ же мн. число съ помощью абхазскаго показателя множественности -га, и эта форма з^оз̄з̄ dīh-га означаетъ въ сванскомъ *дубъ*, согласно, въ свою очередь, той нормѣ, что названія деревьевъ и растений въ яфетическихъ языкахъ появляются въ формѣ мн. числа.

Въ сванскомъ отъ слова ъ_зz̄ zeq [*дерево* >] *дрова* образовано такое же мн. число на -га — ъ_зz̄з̄ zeq-га въ значеніи *избы, сложенной изъ множества бревенъ*, т. е. *сруба*. Здѣсь любопытно то, что показатель множественности г не въ сванской формѣ аг, гесп. -аг или -ег, а въ абхазской — га служитъ образовательнымъ элементомъ въ сванскомъ словѣ ъ_зz̄ zeq. Если же и ъ_зz̄ zeq считать абхазскимъ, то въ сванскомъ его придется признать вкладомъ той далекой эпохи, когда слово не было еще утрачено абхазскимъ: въ наличномъ абхазскомъ его уже нѣтъ.

Но, удаляясь отъ территории нынѣшнихъ абхазовъ далѣе, чѣмъ не только близкая географически, но и лингвистически сравнительно болѣе сродная Сванія, мы находимъ названія деревьевъ и растений въ формѣ мн. числа, образованныя съ помощью того же абхазскаго суффикса -га, такъ, напр., въ грузинскомъ з^оз̄з̄з̄ gvim-га *напоротникъ*. Въ абхазскомъ этого слова не сохранилось, но что это—абхазская форма мн. числа на -га отъ основы gvim-, не подлежитъ никакому сомнѣнію: въ языкахъ -ш-группы, такъ, напр., въ мингрельскомъ, съ основою gvim- сросся по обыкновенію первичный характеръ II. падежа «о», и слово съ тѣмъ же окончаніемъ -га звучитъ з^оз̄з̄з̄з̄ gvim + o-га.

1) Ср. П. Чарая, ц. с., § 10, 73. Слѣдовательно, этого слова нельзя приводить въ доказательство родства грузинскаго съ абхазскимъ. Признавать въ префиксѣ за- сванское слово ъ_зz̄ zav > ъ_зz̄ zav > ъ_зz̄ zā *водъ* трудно, да это по существу не измѣнило бы толкованія основной части слова. Усматривать тотъ же префиксъ въ г. ъ_зz̄з̄з̄з̄ zamθ-ag-i (<*sadw-ad-i) *зима* не представляется возможнымъ, поскольку послѣднее слово происходитъ отъ трехсогласнаго корня ədʷ || сем. štʷ (арб. شتاء *зима*).

Если мы двинемся еще дальше, еще южнее, то и там найдем, такъ въ языкахъ Арменіи, тотъ же суффиксъ мн. числа г, но, какъ въ языкахъ -ш-группы, съ предшествующимъ о-, окаменѣвшимъ именнымъ окончаніемъ основы, въ названіяхъ плодовыхъ деревьевъ и какъ своего рода pars pro toto — самихъ плодовъ, напр. շըրր шәл-ог *слива*, ԽԵՆՆՈՐ գօր+ճ-ог *яблоко*.

Корни этихъ послѣднихъ словъ — также яфетическіе, такъ — շըրր шәл-ог отъ двухогласнаго корня шл типа -ш- группы, которому въ каргскомъ языкѣ долженъ соответствовать sl, а въ сванскомъ qI или діалектически, съ перебоемъ l въ w, qw: въ айскомъ на лицо ʃʃըրր sal-ог *слива*, при томъ же суффиксѣ по корню примыкающее къ типу -s- группы, а корень сванскаго типа qI сохранился въ грузинскомъ ჯგერგო qli-av-i (< *qal-iv-i), также въ формѣ мн. числа, но типа -ш-группы.

Въ предшествовавшихъ цитованныхъ уже работахъ намѣчалось однако не только вообще миграціонное движеніе яфетическихъ племенъ съ юга на сѣверъ въ Сванію и Абхазію, но и специально то племя, которое проникло въ послѣднюю страну и, осложнивъ языкъ ея населенія яфетическимъ слоємъ извѣстнаго типа, дало ему свое названіе. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересно было констатировать въ только-что совершенную поѣздку, что *дворяне* у абхазовъ называются à-aməṣḍa, *одинъ изъ дворянъ* aməṣḍäk, отсюда а-aməṣḍaйша *благородный, вѣжливый, деликатный*, букв. *по-дворянски*. Хотя отъ à-aməṣḍa абхазы образуютъ теперь мн. ч. à-aməṣḍaḍa, но это — обычное недоразумѣніе, въ устахъ народа съ языкомъ мѣшанаго типа, самому процессу возникновенія котораго сопутствуетъ затемнѣніе языковой психологіи въ отношеніи многихъ категорій. Въ данномъ случаѣ недоразумѣніе основано на потерѣ сознанія, что основа aməṣḍa или aməṣḍ уже стоитъ во множественномъ числѣ: ḍa > ḍ есть яфетическій показатель множественности, въ качествѣ переживанія появляющійся и въ нѣкоторыхъ абхазскихъ мѣстоименіяхъ¹⁾; по существу появленіе все-таки показателя множественности ḍa столь же излишне въ концѣ слова, какъ въ началѣ его — вторичное появленіе обычнаго абхазскаго префикса а-, который на лицо уже въ основѣ а + məṣ²⁾. То же самое замѣчаемъ въ національномъ, какъ сейчасъ себя именуютъ абхазы (впрочемъ, повидимому, не всѣ), названіи à-aḥs-wa, Стянутая основа ḥs вм. ḥas, имѣющая уже абхазскій префиксъ а- (aḥs), воспринята какъ чистая основа и снова получила тотъ же абхазскій пре-

1) Н. Марръ, *О положеніи абхазскаго языка среди яфетическихъ*, стр. 14, § 7, а, 2.

2) Если этотъ начальный а въ -aməṣ, какъ и въ приводимомъ ниже aḥs не представляеть выдвинутой впередъ внутренней огласовки, т. е. aməṣ, resp. amṣ вм. maṣ и aḥs вм. ḥas.

фиксъ à-афs-, но здѣсь другой показатель множественности, какъ сейчасъ увидимъ, позднѣ внесенный въ абхазскую рѣчь.

Что касается термина à-а + тæs-ða *дворянинъ*, собственно *дворяне*, то его дѣйствительная основа безъ абхазскаго префикса, но съ суффиксомъ мн. числа ð или ðа, т. е. тæs-ð или тæs-ða представляетъ, по всей видимости, этническій терминъ, отличный отъ хорошо извѣстнаго тæs-ġ только тѣмъ, что здѣсь другой, также впрочемъ наличный въ абхазскомъ, суффиксъ мн. ч. ġ (абх. q, resp. q-wa), основа же ихъ тождественна. Итакъ, если раньше, на основаніи исторіи термина абхазъ¹⁾, точнѣ a-bas-ġ > a-bas-q, абхазовъ мы въ извѣстной мѣрѣ, именно насколько они по языку связаны съ яфетическими племенами, производили отъ месховъ или «масх»овъ (мосоховъ, маскутовъ), то теперь получаемъ нѣкоторое основаніе, чтобы утверждать, что эти яфетиды «масх»и въ абхазахъ, народъ мѣшанаго происхожденія, входили преимущественно въ составъ знати, составляли дворянство.

Какъ будто опредѣляется и время, когда въ предѣлахъ позднѣйшей Абхазіи, къ нашему времени значительно сузившихся, появились эти масх-или мæст'-яфетиды, давшіе населявшему ее народу съ новымъ лингвистическимъ матеріаломъ для перерожденія его рѣчи не только *дворянство* — à-а + тæs-ða, но и общее національное *названіе* — у него самого à-афs-wa, въ устахъ большинства другихъ народовъ — a-bas-ġ и его разновидности.

Впервые абхазы упоминаются, при томъ — въ совершенно правильной формѣ Ἀβασχοί (A-bas-k вм. A-bas-q), во II-мъ вѣкѣ у Арріана. Это не значить, конечно, что до императора Адріана абхазовъ въ этомъ районѣ не было. Страбонъ раньше упоминаетъ о Ζυγίαι, а Ζι-г'ы или, чтò — то же, Ζι-ġ'ы (Ζιχυοί, Ζιγγυοί, Ζηγιοί, Ζηγγυοί), нынѣ A-dæg'ы, не только лингвистически, но и по происхожденію самого названія находятся въ тѣсной связи съ абхазами²⁾. Фактъ тотъ, что со II-го вѣка по Р. Хр. абхазы начинаютъ играть уже политическую роль, которую, конечно, нѣтъ основанія отождествлять съ этническимъ ихъ существованіемъ въ странѣ. Со II-го вѣка ихъ сила идетъ въ гору, предѣлы ихъ политическаго господства расширяются. Въ первую очередь они вытѣсняють эніоховъ (henioq̄). Саны, племя эніоховъ, застрявають еще на небольшой полосѣ съ сѣвера, отъ Псу до Сочи, гдѣ они наблюдаются, по Анониму V-го вѣка, до V-го вѣка³⁾, но въ теченіе вѣковъ, протекшихъ

1) Н. Марръ, *Исторія термина «абхазъ»*, стр. 700.

2) Напомню только зависимость древнѣйшей географической номенклатуры Кавказа, напр. Фазиса и др., отъ этническаго термина a-baz-ġ.

3) Kiessling, ц. с., ниже, стр. 276².

между Прокопіемъ и Константиномъ Багрянороднымъ, абхазы занимають и страну послѣднихъ сановъ¹⁾. Рѣчь у Kiessling'a, выводы котораго цитую, очевидно о послѣднихъ санахъ въ предѣлахъ настоящей Абхазіи, но и это не совсѣмъ вѣрно: саны продолжаютъ не только существовать, но и процвѣтать и послѣ V-го вѣка; я съ одной стороны имѣю въ виду «зан»овъ (въ сванской формѣ мн. числа зан-аг, какъ до сихъ поръ называютъ сваны мингрельцевъ), отъ какого этническаго названія сванская форма мѣста La - z[эн]²⁾ лежитъ какъ въ терминѣ *лазъ*, такъ въ основѣ греческаго названія обширной населявшейся или захватывавшейся лазами территоріи, Λαζική, куда и позже входила Абхазія; съ другой стороны, слѣдуетъ помнить о *tan'*ахъ (въ сванской формѣ мн. числа — *tan-ar*), которые иммигрировали съ давнихъ поръ въ Кавказскія горы въ Сванію и далеко на востокъ отъ нея, гдѣ они извѣстны и позже, съ IX-го вѣка, особенно во время похода арабскаго полководца Буги, писателямъ армянскимъ въ формѣ *Ճանար tan-ar* и арабскимъ — въ формѣ *صانار (الصانارية)*, ср. *Σαναραίοι* Птолема).

Конечно, усиленіе абхазовъ съ V-го вѣка продолжается, а нѣсколькими вѣками позднѣе абхазское царство достигаетъ почти предѣловъ распространенія господства древнихъ эніоховъ: абхазы тогда соперничаютъ на югѣ съ армянскимъ царствомъ въ предѣлахъ Ширака, но этнически ихъ въ этомъ царствѣ вскорѣ смѣняютъ карты или картвелы, т. е. грузины.

Этнологическій интересъ имѣеть смѣна *henioq'*овъ или, что то же, какъ теперь выясняется, *tan'*овъ (*san'*овъ) абхазами настолько, насколько съ политическимъ возобладаніемъ можетъ быть связана исторія этническихъ миграцій и лингвистическихъ перерожденій. Этотъ вопросъ однако показаніями историческихъ памятниковъ не рѣшить; не помогутъ и греческіе географы. Единственный путь изученія дошедшихъ до насъ богатыхъ этнографическихъ матеріаловъ, прежде и больше всего анализъ самого абхазскаго языка. То, что абхамамъ въ ихъ странѣ предшествовалъ другой народъ, и именно *tan'*ы, какъ будто оставило нѣкоторый слѣдъ и въ весьма скудныхъ историческими отложеніями живой старинѣ абхазовъ. Со словъ Н. С. Джанашии я записалъ слѣдующее абхазское преданіе: „Первоначально Абхазію населялъ народъ изъ малорослыхъ людей. Ихъ звали *à-tan*, мн. *tanay*. Единственное животное у нихъ былъ козель. Разъ днемъ въ прекрасную погоду люди сидѣли обществомъ, и одинъ изъ нихъ, старецъ, замѣтилъ, какъ у козла тряслась борода. Старецъ сказалъ: «видите-ли, какъ у него трясется борода. Это знаменуетъ, что поднимется страшный вѣтеръ и погибнетъ міръ». И, дѣйствительно, подня-

1) Kiessling, ц. с., стр. 2771.

2) См. ниже, стр. 331, прим. 3.

лась буря и смела все население малорослых людей. Слѣды того, что они жили въ Абхазіи, — остатки построекъ: это — глыбы камней, называемыя абхазами à-tan ɛrgwàra или tanàa rgwàra, т. е. *цанская ограда* или *ограда цановъ*“. Кстати, одна фонетическая мелочь не лишена значенія для важнаго по существу вопроса, который встанетъ передъ нами позже: абхазы мнѣ произносили tan съ слабымъ n, — настолько слабымъ, что иногда, особенно въ паузѣ, онъ былъ мнѣ неслышенъ.

И по болѣе близкомъ ознакомленіи съ абхазскимъ остается въ силѣ положеніе о сложности яфетическаго его слоя, вскрытой первой же попыткою сравнительно-историческаго анализа даннаго языка. Особенно ярко было въ этомъ смыслѣ свидѣтельство образовательныхъ элементовъ мн. числа. Къ нимъ теперь прибавились другія морфологическія и синтаксическія явленія, которыя дали возможность поставить вопросъ объ ихъ историческомъ генезисѣ. Изъ многочисленныхъ абхазскихъ показателей множественности, характеризующихъ особые типы яфетическихъ языковъ, три заслуживаютъ преимущественнаго вниманія, такъ какъ они особенно сильно конкурируютъ другъ съ другомъ въ абхазской рѣчи и являются наиболѣе существеннымъ ея отличіемъ въ соотвѣтственной категоріи: это 1) г (ga), 2) q, съ которымъ связанъ и ѓ, и 3) wa. Всѣ три, какъ уже выяснилось (а теперь наблюдаемы къ тому еще и новые случаи), встрѣчаются въ той или иной категоріи словъ и формъ самостоятельно, по обыкновенно они являются въ соединеніи въ видѣ ga-q-wa или ga-ǰa (< *ga-ǰ-wa), свидѣтельствуя во-очію, фактомъ послѣдовательнаго наращенія одного показателя множественности на другой, о постепенномъ наслоеніи элементовъ одного языкового типа на другой и въ связи съ этимъ объ этническомъ осложненіи абхазской народности соотвѣтственными племенными слоями. Что стоящій на послѣднемъ мѣстѣ wa характеризуетъ вліяніе языка такъ называемой тубал-кайнской группы, т. е. -ш- группы, — это уже выяснено, и съ нимъ отпадаетъ вопросъ о наиболѣе позднемъ инородно-яфетическомъ вкладѣ въ абхазскій языкъ, особенно обильный и чѣнизмами или лазизмами, и всевозрастающими по-сейчасъ мингрелизмами.

Чрезвычайно важнымъ представляется хронологическое опредѣленіе момента сліянія двухъ другихъ элементовъ, составляющихъ остальную часть — ga-q или ga-ǰ. Первымъ изъ нихъ, т. е. ga, абхазскій языкъ становится въ ближайшую связь, съ одной стороны, съ сванскимъ языкомъ (св. мн. -ar), съ которымъ у него и другія точки особаго сродства, съ другой стороны — съ яфетическимъ языкомъ Арменіи, отъ котораго свое образованіе мн. числа на e-ar унаслѣдовалъ аріизованный армянскій языкъ; вторымъ

суффиксомъ, т. е. q , абхазскій языкъ становится въ ближайшую связь съ другимъ яфетическимъ языкомъ Арменіи, отъ котораго унаслѣдовалъ свое образованіе мн. числа на q (равно на \dot{q} , также наличный въ абхазскомъ), второй аризонанный языкъ Арменіи, именно древне-литературный, мною называемый хайскимъ, хотя тотъ же суффиксъ q въ видѣ первичнаго его недезаспированнаго эквивалента \dot{q} появляется и въ сванскомъ, но спорадически — лишь въ нѣкоторыхъ категоріяхъ глагольныхъ формъ. И вотъ вопросъ, кардинальный для лингвиста, желающаго уяснить исторію абхазскаго языка, — «который изъ нихъ основной, первоначальный въ абхазскомъ?» и не менѣе важный для этнолога: «гдѣ сошлись эти два элемента?», т. е. произошло ли это сліяніе впервые въ предѣлахъ Абхазіи, куда различныя яфетическія племена притекали все новыми и новыми переселенческими волнами, осложняя одинъ, первичный, яфетическій слой другимъ, вторичнымъ и третичнымъ, или весь этотъ процессъ этническаго и съ нимъ лингвистическаго скрещенія произошелъ еще на первородинѣ или на болѣе древнемъ этапѣ миграціоннаго движенія? Въ послѣднемъ случаѣ, насколько дѣло касается яфетическаго состава абхазской рѣчи, онъ, яфетическій составъ, долженъ былъ проникнуть въ предѣлы Абхазіи уже въ осложненномъ видѣ. Этотъ вопросъ чрезвычайно чреватъ послѣдствіями для основной проблеммы о внѣдреніи съ юга и расселенія яфетическихъ народовъ по Кавказу. Поэтому надо собраться со всѣми силами, подготовить матеріалы для освѣщенія поставленнаго вопроса со всѣхъ сторонъ, прежде чѣмъ разрѣшать его; между тѣмъ и съ точки зрѣнія однихъ хотя бы лингвистическихъ матеріаловъ Абхазіи дѣло находится въ начальной стадіи разработки, и потому на этомъ ставлю точку. Не скрываю, однако, что сдѣланная уже работа насъ настраиваетъ въ пользу сложности этническаго состава и привнесенной мѣшаности типа языка вселявшагося впервые въ предѣлы Абхазіи яфетическаго народа.

Остановлюсь лишь на двухъ явленіяхъ, правильное освѣщеніе и оцѣнка которыхъ также могли бы представить извѣстный вкладъ въ матеріалы, необходимые для отвѣта на поставленный вопросъ о мн. числѣ въ абхазскомъ, а въ связи съ нимъ — и для рѣшенія основной проблемы о миграціи яфетическихъ народовъ съ юга на сѣверъ, въ первую очередь, понятно, на Кавказъ. Одно явленіе — названія народовъ съ суффиксомъ мн. числа $\dot{q} > q$, какъ кол-хи, таохи и др. Теперь совершенно ясно, что хотя этотъ суффиксъ и яфетическій, но онъ не принадлежитъ ни языкамъ -s- группы, напр. грузинскому, ни языкамъ -ш- группы, т. е. иверскому (мингрельскому) и чанскому (лазскому). Суффиксъ мн. числа \dot{q} , слабо представленный и въ

наличномъ сванскомъ, есть неотъемлемая существенная особенность того развѣтвленія языковъ, которому принадлежить, съ одной стороны, одинъ изъ основныхъ слоевъ абхазскаго языка, съ другой—яфетическій языкъ Арменіи, отложившійся переживаніями въ аріизованномъ языкѣ Арменіи, древне-литературномъ или хайскомъ. О кавказскихъ народахъ съ *q* въ концѣ названій говорятъ наиболѣе древнія свѣдѣнія классическихъ источниковъ о Кавказѣ. Народы эти въ этой, хотя бы, мѣрѣ являются первыми, выступающими на видную для западныхъ народовъ историческую арену. Нѣтъ, конечно, основанія провозглашать абхазами или «абхазоидами» всѣ яфетическія племена, названія которыхъ у классиковъ сохранились по типу съ суффиксомъ *q*; но самый фактъ распространенія этого суффикса свидѣтельствуетъ о первенствующемъ значеніи въ опредѣленномъ районѣ и въ соответственную эпоху племенъ, лингвистически характеризуемыхъ этимъ показателемъ множественности.

Въ связи съ этимъ едва-ли лишена значенія открывающаяся теперь возможность истолковать матеріалами изъ абхазскаго языка нѣкоторые термины, связываемые греками съ сказаніемъ объ аргонавтахъ, и прежде всего *Κύτα*, названіе резиденціи царя въ странѣ колховъ. Давно дѣлалось отождествленіе его съ Кутансомъ на Фазисѣ—*Pionis*; наличное грузинское названіе *Qud-a-is-i* представляетъ огрузинившійся видъ не только окончаніемъ Р. падежа *-is*, но и суффиксомъ *-ad*, такъ какъ древне-грузинскій видъ названія—*Qud-ad-is-i*¹⁾, отсюда еще у Прокопія—*Κουτατίσιον*; что касается основы *Qud* или *Quda*, по-грузински она ничего не означаетъ, а по-абхазски это именно и есть форма названій мѣстности, ибо таковыя въ абхазскомъ образуются между прочимъ съ помощью суффикса *-da*. Болѣе того, весьма возможно, что *quda*||*Κύτα* по существу и не названіе, а нарицательное имя, означавшее на мѣстномъ языкѣ *село*, *городъ* или что либо подобное. И, дѣйствительно, на абхазскомъ *qəda* (а-*qəda*) значить *селеніе*.

Тотъ же абхазскій суффиксъ *-da*, въ видѣ ли первичной его ступени *-ta*, какъ его имѣемъ въ древней греческой транскрипціи (*Κύ-τα*), или переходной — *-da* и новѣйшей — *-da*, сохранился въ цѣломъ рядѣ географическихъ названій Абхазіи, какъ, напр., *Tebel-da*, *Dran-da*, *Dgar-da*, *Gwa-da*, *Gumis-da* и др.

Сюда же вынуждены мы относить отсель и названіе несравненно болѣе важнаго по своему историческому значенію пункта Абхазіи—Пицунды, въ различныхъ его видахъ: **Pitun-ta*, воспринятаго греками въ формѣ *Πιτιούν-τα*, какъ В. падежъ, и возведеннаго къ И. *Πιτιούς*, *Pitun-da*, и *δοξζοβος*

1) Собственно, какъ видно изъ послѣдующаго, см. *Quda-ad-is-i*.

Biṭvin-ḡa. Любопытно то, что хотя суффиксъ представленъ въ нихъ абхазскій, на всѣхъ трехъ ступеняхъ развитія (-ta > -da > -ḡa), но основа не абхазская. Не касаясь вопроса о созвучіи основы съ греческимъ *πίτυς сосна* и вообще объ ея происхожденіи, въ ней имѣемъ слово, распространенное среди яфетидовъ съ этимъ именно значеніемъ, по-грузински звучащее въ звукооставѣ -ш- группы — ᲑᲗᲗᲗ *ṭiṭu-i* (> **biṭu-i*), а въ звукооставѣ -s- группы **ṭiṭu-i* (> *ṭiṭu-i*), откуда съ постановкою ихъ во мн. числѣ *ḡarṭ*-скаго типа **biṭun*, **ṭiṭun* и съ абхазскимъ суффиксомъ мѣста — **Biṭun-ḡa*, съ такъ называемымъ сванскимъ раздвоеніемъ u — *Biṭvin-ḡa* и *ṭiṭun-da*¹⁾. Въ пользу реальности этого толкованія можно привести не только свидѣтельство Страбона, помѣщающаго здѣсь «сосновый лѣсъ» (Страбонъ могъ руководствоваться созвучіемъ географическаго названія съ греческимъ словомъ *Πίτυς*), или тотъ фактъ, что слово въ звукооставѣ *ṭiṭu* безъ абхазскаго суффикса -ḡa и съ именнымъ окончаніемъ -e (-ш-группы), именно **ṭiṭwe* (> *ṭiṭe*), и появляется въ качествѣ названія приморскаго города Лазистана — *Вицѣ* (*Vite*), у Арриана занесеннаго въ формѣ *Πυζίτης*.

Значительно сѣвернѣе пункта, гдѣ находилась Пицунда, до сего дня сохранился приморскій поселокъ, нынѣ хорошо извѣстная лѣчебная и дачная мѣстность Сочи, собственно *Soṭ-i*, основа какового названія *Soṭ* также значитъ *сосна*, но уже на языкахъ другого развѣтвленія яфетическихъ языковъ, къ которому примыкаетъ и абхазскій *mza*. Эквивалентомъ ᲑᲗᲗᲗ *soṭ-i* въ мингрельскомъ имѣемъ ᲑᲗᲗᲗ *poṭ-i* *сосна*, которому въ грузинскомъ соотвѣтствуетъ вполне закономѣрно ᲑᲗᲗᲗ *paṭv-i* (< **paṭv-i*, послѣднее съ озвонченіемъ ожидаемаго у s-группы *ṭ*, въ соотвѣтствіе *ṭ* въ -ш- группѣ, восходитъ къ **paṭv-i*), что однако значитъ и *кедръ*.

Въ высшей степени поучительно это сплетеніе яфетическихъ лингвистическихъ элементовъ различныхъ развѣтвленій въ географической номенклатурѣ Абхазіи, особенно двухъ а) внесенныхъ вліяніемъ -ш- группы и б) основныхъ для абхазскаго: иногда на лицо облеченіе абхазской темы слова въ привнесенный яфетическій морфологическій костюмъ, иногда — нарастаніе абхазскаго морфологическаго элемента на привнесенную яфетическую, особенно изъ -ш-группы, основу.

Отмѣченный фактъ, все болѣе и болѣе наблюдаемый въ различныхъ категоріяхъ терминовъ не только Абхазіи, но и смежныхъ съ нею странъ, открываетъ новый горизонтъ для одного чрезвычайно важнаго этнологиче-

1) *Biṭvin*, гезр. *Biṭwin* могъ бы представлять собою и морфологически особую категорію, именно правильный Р. падежъ по -n-группѣ отъ основы *ṭiṭu*, если бы суффиксъ *ḡa* требовалъ такого падежа.

скаго вопроса, именно вопроса объ эніохахъ или *henioq'*ахъ. Это и есть то второе, и въ этотъ разъ послѣднее явленіе, на которомъ мнѣ хотѣлось бы остановиться. Вопросъ о *henioq'*ахъ въ такой степени лежитъ въ центрѣ всѣхъ вопросовъ о миграціяхъ яфегическихъ народовъ, что недавно Kiessling въ замѣткѣ¹⁾ объ *'Eνιοχοι*, помѣщенной въ новой переработкѣ Paulus Real Encyclopädie, счелъ себя въ правѣ внести — нѣсколько неожиданно — обсужденіе всей проблемы о расселеніи народовъ въ Закавказьѣ. Интересенъ заключительный выводъ.

«Если приморскіе предѣлы малоазійскихъ эніоховъ опредѣляются довольно точно (*recht genau*), то нельзя сказать, чтобы совершенно не было у насъ свѣдѣній (*Notizen*) географическаго и историческаго характера для обрисовки внутренняго распространенія этихъ иммигрантовъ по крайней мѣрѣ въ грубыхъ контурахъ, хотя, правда, свѣдѣнія эти до сихъ поръ не обращали на себя вниманія и безъ пользы пропадали. На основаніи ихъ все-таки можно признать фактъ, въ высшей степени важный антропологически и этнографически, что эніохи проникали далеко во внутрь и въ сторону армянскаго плоскогорія. Ихъ миграціи вовсе не были ограничены однѣми только странами Понтскаго побережья (*das pontische Gestadeland*). Поэтому эніохи являются съ гораздо болѣе внушительнымъ вліяніемъ: они должны были привести въ движеніе несмѣтныя народныя массы и распространиться по сѣверовостоку Малой Азіи²⁾».

Чрезвычайно поучительная обработкою свѣдѣній греческихъ и латинскихъ писателей, статья ставитъ совершенно вверхъ дномъ реально-историческія условія передвиженія мѣстныхъ народовъ. Авторъ не имѣетъ яснаго представленія о мѣстныхъ языкахъ и съ завиднымъ спокойствіемъ классика, отнюдь не интересующагося варварскими матеріалами, предполагаетъ движеніе эніоховъ съ сѣвера на югъ въ полномъ противорѣчій со всѣмъ тѣмъ, что наука въ правѣ считать болѣе или менѣе установленнымъ на основаніи реальныхъ лингвистическихъ данныхъ, да нѣкоторыхъ историческихъ свѣдѣній какъ греческихъ, такъ и болѣе древнихъ, библейскихъ.

Собственно *'Eνιοχοι*, какъ показали уже I. A. Орбели въ статьѣ «Городъ близнецовъ ΔΙΟΣΚΟΥΡΙΑΣ и племя возницъ ΗΝΙΟΧΟΙ»³⁾, представляетъ искаженную на основѣ греческой такъ называемой народной этимологій форму первоначальнаго **heniq*, двойника *sanig* (*Σανίγ-αι*, *Sanic-us*). Каса-

1) На нее съ обыкновенною предупредительностью обратилъ мое вниманіе Я. И. Смирновъ.

2) Ц. с., стр. 272².

3) Журналъ Мин. Народнаго Просвѣщенія, 1911 г., апрѣль, отд. класс. филол., стр. 209—215.

тельно восстановленнаго I. А. Орбели *heniq̇ слѣдуетъ однако сдѣлать одну, другую оговорку. Во-первыхъ, основа hen представлена съ позднѣйшимъ, какъ увидимъ, ослабленіемъ: полная форма этого вида съ огласовкою е — *heyn, а праформа *haun. Во-вторыхъ, въ *heniq̇, точнѣе *heyniq̇ (< *hauniq̇) гласный передъ этническимъ суффиксомъ ĩ̇, т. е. какъ уже выяснено, сращенное именное окончаніе (i||e¹) представляетъ въ свою очередь перебой первоначальнаго u||o, такъ что первоначальный видъ термина получаемъ не *hen+i-ĳ̇, а *hen+o-ĳ̇, точнѣе *heyn+o-ĳ̇ (< *haun+o-ĳ̇). Я лишь мимоходомъ указываю, что при такой разновидности пра-формы получается соблазнительная опора въ созвучіи для гипотезы яфетическаго происхожденія имени *Энохъ*, которою, какъ мнѣ извѣстно, сейчасъ занятъ кн. И. А. Джаваховъ въ работѣ объ яфетическихъ эпонимныхъ именахъ въ библейскомъ родословіи. При существованіи формы *henoĳ̇ грекамъ оставалось, чтобы признать въ немъ по созвучію свое Ἐνὸςοσι, исказить его вставкою не о, а і. Такъ или иначе, намъ сейчасъ важно отмѣтить то, что, принадлежа по суффиксу ĳ̇ къ тому развѣтвленію яфетическихъ языковъ, представителемъ котораго является между прочимъ абхазскій, по основѣ hen или точнѣе heyn (< *haun), эквиваленту слова san, восходящаго къ пра-формѣ saun, терминъ относится къ другому, именно -n-развѣтвленію по принятой лингвистической терминологіи²).

Разновидности самой основы термина многочисленны, смотря по району распространенія или эпохѣ, которой онѣ принадлежатъ. Есть разновидности по чередованію начальнаго согласнаго, ассибилованнаго t̃ или слабыхъ его представителей—tan, tan, dan, dan, *shan, san (> zan). Есть разновидности большинства перечисленныхъ видовъ по перегласовкѣ, вызывавшейся утраченнымъ вторымъ кореннымъ полугласнымъ «у» или его двойникомъ w, такъ какъ пра-формы перечисленныхъ разновидностей—*taun, daun, *saun, *shaun или *sawn, *shawp и т. п., отсюда при извѣстныхъ элементарно простыхъ и давно выясненныхъ перерожденіяхъ гласнаго «а» въ группѣ съ полугласнымъ «у» (русск. «й») или w могли получиться и дѣйствительно существовали — teun > ten, son, шоп и т. п.

Теперь уже выяснено, что соны, чтò то же свалы³), носятъ нынѣшнее свое названіе какъ навязанное имъ въ результатѣ политическаго господства

1) I. Орбели, ц. с., стр. 213, см. также 214.

2) Принято было такое пониманіе термина san потому, что такъ и именуется одинъ изъ народовъ втораго развѣтвленія, именно лазы, у сосѣдей: грузины до сихъ поръ называютъ лазовъ čанами, а tan, resp. tan лишь разновидность термина san. Мингрельцы о tan'ахъ сохраняютъ представленіе, какъ о народѣ, расположенномъ на югѣ отъ нихъ, въ терминѣ *ჭანის ბორია* южный *оттеръ*, букв. *чанскій* (т. е. *чанскій*) *оттеръ* (I. Кипшидзе, *Мингр.-русскій словарь*, подъ *ჭანის*).

3) По картскому раздвоенію «о» въ wa.

разновидность того же этнического термина *hen, точиѣ, heun, съ суффиксомъ мн. числа — *henq, точиѣ heunq, съ паросшимъ на основѣ именнымъ окончаніемъ (hen^o/q̄) лежащая въ основѣ грецизованнаго Ἐνίοχοι? Казалось бы, въ грузинскомъ ზებო ღენ-ი *лошадь* имѣемъ сложное слово изъ з̄ ѣ, означающаго собственно *лошадь*, и ѣен (<*hen)¹), означающаго или породу *hen'скую*, т. е. *henioq'скую*, или, быть можетъ, также *лошадь*. Дѣло въ томъ, что по законамъ сравнительной яфетической фонетики картскому, т. е. коренному грузинскому ѣ, въ -ш- группѣ языковъ соотвѣтствуетъ ѣ, но, къ сожалѣнію, ни одинъ языкъ этой группы, ни чанскій (лазскій), ни мингрельскій не сохранилъ своего собственнаго слова для *лошади*, довольствуясь заимствованнымъ изъ грузинскаго сейчасъ обсуждаемымъ ზებო ღენ-ი. Ожидавшійся же тубал-кайнскій или -ш- группы эквивалентъ ѣ въ названіи *лошади* сохранили абхазы²): по-абхазски *лошадь* — а-ѣѣ. Изъ этихъ двухъ яфетическихъ разновидностей названія *лошади*, именно *ѣ-і, выдѣляемаго изъ грузинскаго сложнаго слова, и наличнаго въ абхазскомъ ѣѣ (съ префиксомъ а-ѣѣ), дѣйствительность отдѣльнаго существованія перваго, т. е. *ѣ-і, можно подкрѣпить фонетически къ нему примыкающимъ армянскимъ³), наличнымъ и въ древне-литературномъ, т. е. хайскомъ, ღი დი *ло-*

1) Ср. ღენ-ი и On-ი отъ *Hen-і, см. выше — стр. 327.

2) Впрочемъ слѣдуетъ указать, что цѣликомъ сохранилось слово ზებო ღენ-ი съ такимъ эквивалентомъ в ѣ вм. з̄ ѣ въ мингрельскомъ названіи села Чхениши на р. Цхенис-цкали, представляющемъ форму мингрельскаго же Р. падежа (ღენ-ი-ში).

3) Что ღი დი не хайское, а армянское слово, устанавливается безъ особаго труда исторією древне-литературнаго или хайскаго языка, который въ качествѣ собственнаго хайскаго слова въ значеніи *лошади* зналъ ღრღურ erivar. Въ св. Писаніи ღრღურ erivar употребляется, судя по *Коткордану* (Հովհարրբա, Иерусалимъ 1895), 103 раза, а ღი დი — 62 раза, при этомъ въ Пятикнижии и далѣе до *Царств.* ღი დი употреблено всего *одинъ* разъ, а ღრღურ erivar — 18 разъ. Эти цифровыя соотношенія не случайны, а свидѣтельствуютъ о постепенномъ вытѣсненіи армянскимъ словомъ хайскаго въ частности и въ текстѣ св. Писанія, но не съ одинаковой легкостью изъ всѣхъ его книгъ. Въ *Парал.* армянское ღი დი, берущее верхъ, встрѣчается 8 разъ, а ღრღურ erivar — 4 раза, но это въ вульгарномъ текстѣ, а въ болѣе древнюю его версію (изд. Г. Халатъянца) изъ тѣхъ восьми случаевъ (I, 18, 4, II, 1, 16, 17; 8, 6; 9, 24, 25, 28; 25, 28) только разъ (II, 1, 17) проникло единовластно ღი დი, разъ (II, 25, 28) вм. ღი დი вульгары — ღրღურ, также неологизмъ вм. *ասպստան **aspastan* (ср. I *Матт.* 3, 39: ասպստանի), разъ (I, 18, 4) вм. ღი დი — հեծեալ *heteal осадникъ*, въ остальныхъ случаяхъ — ღრღურ erivar, причѣмъ въ II, 9, 25 рядомъ съ ღრღურ erivar только по интерполяціи и порчѣ текста въ обѣихъ версіяхъ стоитъ и ღი დი. Что касается индоевропейскаго происхожденія послѣдняго слова, то отождествленіе его съ санскр. háya (Hübbschmann, *AG*, 471, 264) давно слѣдовало бы устранить изъ всякаго строго научнаго сравнительнаго изслѣдованія хайскаго языка, какъ отпадаетъ теперь изъ числа показанныхъ индоевропейскими (всего 13, притомъ значительная часть съ основательнымъ вопросомъ знакомъ) большинство словъ, начинающихся съ ѣ, какъ то ღი დი *дипк рыва*, ღი დი *даръ*, ღი დი *даръ* и др., за выясненіемъ ихъ яфетическаго происхожденія.

*шадь*¹⁾. Если здѣсь не имѣемъ случайнаго совпаденія ряда благопріятныхъ созвучій, то грузинское ႱႱႱႱ Ⴑ-ႱႱႱ оказывается сложнымъ словомъ²⁾, дѣйствительно, означающимъ, какъ было сказано, *леш'скую*, т. е. *лешіоқ'скую лошадь* или быть можетъ, просто *лошадь*, при чемъ ႱႱႱႱ Ⴑ-ႱႱႱ-і пришлось бы признать возникшимъ по типу сложныхъ изъ двухъ синонимовъ (*Ⴑ-і, ႱႱႱ-і) словомъ³⁾. Такимъ образомъ и въ мѣстныхъ матеріалахъ была бы засвидѣтельствована закономѣрность разновидности нашего этническаго термина съ огласовкою «е» — ႱႱႱ < *ႱႱႱ, лежащаго въ основѣ грецизованнаго ႱႱႱႱႱႱ. Въ подтвержденіе существованія все той же разновидности ႱႱႱ, казалось бы, чего легче, какъ указать на хайское слово ႱႱႱ ႱႱႱႱ (< *ႱႱႱ-і)⁴⁾, мн. ႱႱႱႱ ႱႱႱႱႱ (< *ႱႱႱႱႱ), означающее *наѣздника, разбойника, пирата, наѣздъ*, равно *наѣздниковъ, разбойничьи набѣги, пиратовъ*, словомъ, судя по свидѣтельству древнихъ грековъ, истыхъ эпіоховъ (*ႱႱႱႱႱ), но такому сопоставленію ложится поперекъ дороги то, что л. ႱႱႱႱ сближаютъ съ пранскимъ авест. haēnā- *войско, полчище враждебныхъ, дѣвольскихъ или неарійскихъ силъ* и съ санск. sēnā- *войско*⁵⁾.

Если, однако, примѣръ случайнаго совпаденія и въ этотъ разъ имѣемъ на сторонѣ исканія индоевропейской этимологін для хайскаго ႱႱႱ ႱႱႱႱ, то фактъ обращенія этническаго термина въ *разбойный* могъ бы быть подкрѣпленъ и другими случаями, такъ, напр., въ грузинскомъ этнической терминъ ႱႱႱႱႱ-ႱႱႱ *курды* является обычнымъ нарицательнымъ именемъ, выражающимъ понятіе *воръ*. Въ древне-грузинскомъ этнической терминъ ႱႱႱႱႱ ႱႱႱႱႱ *зимхъ*, напоминаетъ мнѣ I. A. Кипшидзе, имѣетъ и значеніе *свирѣпый, жестокий*⁶⁾,

1) Если бы не эта поддержка, можно бы было предположить, что начальная группа ႱႱႱ представляетъ обычное удвоеніе Ⴑ въ возмѣщеніе ослабленія двугласнаго eu: *ႱႱႱ-і > ႱႱႱ-і. Кстати, основы для выраженія ѣзды верхомъ также одного происхожденія въ древне-грузинскомъ и хайскомъ, именно л. ႱႱႱႱႱ. qed (< *qed) > ново-гр. qed, отсюда л. ႱႱႱႱႱႱ ႱႱႱႱ-ႱႱႱ *ѣздитъ верхомъ*, др.-гр. ႱႱႱႱႱ qed-n-a-y id., л. ႱႱႱႱႱ ႱႱႱႱ-ႱႱႱ *осадникъ*, др.-гр. ႱႱႱႱႱ m-qed-ag-ī id.

2) Придется въ то же время признать, что картскаго, кореннаго грузинскаго слова полностью не имѣемъ, такъ какъ истертость корней до одногласности свойственна абхазскому и яфетическимъ переживаніямъ въ одномъ изъ языковъ Арменіи, а картскому, какъ и тубал-кайнскимъ, только въ сложеніяхъ, но дополнить недостающіе согласные трудно. Не помогаетъ и св. ႱႱႱ ႱႱႱ *лошадь*.

3) Я лишь ставлю, но не рѣшаю вопроса о томъ, этнической ли терминъ обратился въ названіе лошади или слово, означавшее *лошадь*, было использовано въ качествѣ этническаго термина.

4) Р. ႱႱႱႱ ႱႱႱႱ, какъ извѣстно, представляетъ замѣну «е» вульгарнымъ і.

5) Hübschmann, AG, стр. 180, 345, Bartholomae, Altiranisches Wörterbuch, s. v. haēnā стр. 1729.

6) Ср. Шота Руставскій, ႱႱႱႱႱ ႱႱႱႱႱႱ, 26, 3, ср. Н. Марръ, *Встун. строфы*, стр. 2 (четв. 4, 3), пер., стр. 7 (четв. 4, 3), поясн., стр. 23—24.

по Чубинову — *упрямый*¹⁾). Въ хайскомъ языкѣ въ качествѣ *разбойнаго отряда* употребляется *խուճախ* *qijañ*, а въ значеніи *варвара, дикаря* и т. п. — *խուճ* *qij*, представляющія собой этнической терминъ «хузь», «хузистанецъ». Въ обоихъ языкахъ Арменіи въ значеніи *разбойникъ* употребляется еще *աւազակ* *avaz-ak*, въ армянскомъ только это слово и употребляется въ указанномъ значеніи, и возможно, что въ древне-литературный языкъ Арменіи, т. е. въ хайскій онъ внесенъ изъ армянскаго²⁾, а въ качествѣ заимствованія слово въ формѣ *ავაზაკი* *avaz-ak-i* прошло и въ грузинскій, гдѣ оно въ живой рѣчи соединяется съ *ჭურღი* *qurd-i* въ сложное *ჭურღავაზაკი* *qurd-avaz-ak-i* для выраженія полноты грабительскихъ качествъ — въ значеніи *и воръ и разбойникъ*³⁾. Этотъ терминъ, по всей вѣроятности, происходитъ отъ этническаго термина *a-vaz*, названія *avaz-g'ovъ* или *abaz-g'ovъ*, т. е. абхазовъ. Впрочемъ понятіе *наездъ, разбойничій набѣгъ*, съ этническимъ терминомъ *hep-* могло быть связываемо и въ зависимости отъ употребленія, какъ его двойникъ *hon* въ грузинскомъ (**ჰონე* **hon-e* > *ჰუნე* *hun-e*), въ значеніи *коня, лошади*: отъ пр. асп *лошадь* происходитъ *h. աւազանակ* *asp-at-ak*, означающее *наездъ, разбойничій набѣгъ*. И раньше было ясно, что греческое названіе рѣки *Ἰππος* было переводомъ мѣстнаго термина, по-грузински звучащаго *ჭებნისწყალი* *čqenis-ikal-i*; теперь же намѣчается, быть можетъ, болѣе правильное объясненіе, что рѣка такъ называлась не въ связи съ *лошадью*, а, какъ въ большинствѣ названій кавказскихъ рѣкъ и ущелій, по населявшему ихъ племени, по названію племени *hep'ovъ* или *hon'ovъ*, получавшему или имѣвшему въ устахъ окрестныхъ племенъ значеніе *коня* и давшему соотвѣтственное основаніе для обращенія «рѣки *hep'ovъ*» (> *hepiq'ovъ*) или «*hon'ovъ*» въ рѣку *лошадью*: *Ἰππος, ჭებნისწყალი* *čqenis-ikal-i*.

Страннымъ можетъ показаться, что отъ обсуждаемаго вида нашего термина съ начальнымъ спирантомъ *h* вм. сибиланта *s* имѣются разновидности

1) Тотъ же этнической терминъ имѣемъ, повидимому, и въ грузинскомъ словѣ *ჭივი* *čiv-i*, въ мингрельскомъ звучащемъ *ჯივი* *čiv-i*, что въ обоихъ означаетъ *туръ* (*сарга сауса-сика*), буквально, слѣдовательно, — «зикхское» (животное). Но вопросъ объ этническихъ терминахъ въ названіяхъ животныхъ требуетъ самостоятельной разработки.

2) Въ хайскомъ текстѣ книги *Парал.* *աւազակ* *avaz-ak* встрѣчается всего разъ, въ II, 36, 5, т. е. въ той главѣ, которой вовсе нѣтъ въ древней версіи (изд. Г. Халатянца), въ двухъ же другихъ мѣстахъ (I, 12, 21, II, 22, 1) и вульгатный текстъ даетъ *Հէ* *heup*, древняя же версія въ первомъ случаѣ удерживаетъ безъ перевода (*Գեդուր* *Gedur*), какъ LXX (*Γεδδούρ*), евр. слово *גֶדוּר*, переводомъ чего является *Հէ* *heup* *разбойничій отрядъ* въ другой версіи, въ данномъ стихѣ сохранившей болѣе древнее чтеніе армянской Библии, а во второмъ случаѣ замѣняетъ синонимомъ *խուճախ* *qijañ*, терминомъ въ основѣ (*խուճ* *qij*) этническаго происхожденія. Любопытно, что во всѣхъ трехъ случаяхъ др.-грузинскій переводъ Библии читается *ავაზაკი* *avaz-a-k-i*, по крайней мѣрѣ въ Московскомъ изданіи.

3) См. Чуб., с. v.

ности съ огласовкою «е» — *hep* (*hep* + $\frac{0}{i}$ - \acute{q}) и «о» — *hon* (*honq* < **hon-q*), но какъ будто нѣтъ разновидности съ первоначальной огласовкою «а» — *han* (*han*), мн. **hanq* > **haniq*, а равно пра-формы **haun*, но это — только видимость, создаваемая существованіемъ особаго закона, по которому звукъ *n* въ паузѣ отпадалъ; особенно часто происходитъ это въ яфетическихъ языкахъ со слабымъ *n*, наличнымъ, какъ мы видѣли, въ абхазскомъ произношеніи термина *tan* (*a-tan*)¹⁾.

На этомъ то основаніи пра-форма этническаго термина *taun* должна была переродиться въ *tau*, что съ потерей полугласнаго «у» и съ наращиваніемъ абхазскаго префикса *a-* имѣемъ, по всей видимости, а) въ формѣ абхазскаго мн. числа на -га въ ჰაგა *A-ta-ga*, названіи извѣстнаго края въ Батумской области, «Адчары» или «Аджары», нынѣ населенной грузинами-мусульманами²⁾, б) въ формѣ абхазскаго ед. числа **a-tə*, 1) поставленнаго въ грузинскомъ Р. падежѣ въ названіи рѣки ატის ტყე *A-tis tkal-i* (на 5-и верстной картѣ — «Ачисъ-цкари», точнѣ *Atis tkari*, т. е. съ мингрелизаціею (*г* вм. *l*) грузинскаго слова *tkal-i voda*, *рѣка, рѣчка*), 2) поставленнаго въ грузинскомъ И. падежѣ ატის *A-t-i* въ названіи села съ древней грузинской церковью на упомянутой рѣчкѣ. На той же рѣчкѣ въ 3—4 верстахъ ниже отъ *Ati* село $\text{ტანთაი$ *tan+i-eθ-i* также съ древнею грузинской церковью (Дм. Бакрадзе, *Археологическое путешествие по Гуріи и Адчаръ*, СПб. 1878, стр. 101—107, Е. Такайшвили, $\text{სტეფანოპოლისის მუზეუმის აღწერა და შენობების აღწერა}$, Тифлисъ 1907, стр. 24—26). Какъ ტანთაი *Tan+i-eθ-i* значить «страна чановъ», «Чанія», такъ село ატის *A-t-i* — «чанск'ое село», ატის ტყე *A-t-is tkal-i* — «чан'ская рѣчка»³⁾, а ჰაგა *A-ta-ga* — «чань». Все на основаніи того же закона

1) Какъ извѣстно, на этомъ основаніи на грузинскомъ языкѣ ქვა *qva* *камень* получился изъ **qvan* (> нов.-гр. *qval*, отсюда ქვალა *qol-a* *побивать камнями*), გრა *gra* *рогъ* — изъ **qran* (= **qran*), др.-гр. βάτραχος *batrachos* *кажется* вм. βάτραξ *batrax*, δραγμῶν *dragmon* *стоитъ* вм. δραγμῶν *dragmon*, особенно же назидательна исторія слова შეშეუ *sheu* > შეშეუ *sheu* (вульг. შეშე *she*) *внутри* (букв. *постройка, домъ*). Въ то же время не исключается возможность, что исходный *p* въ названіяхъ народовъ отпадалъ, такъ какъ его воспринимали какъ извѣстный суффиксъ мн. числа, который и могъ отпасть въ такомъ случаѣ при появленіи новаго равнозначущаго суффикса.

2) Очевидно, нельзя и теперь усматривать въ терминѣ *Аджара*, гесп. Աճարա *Ačara* двойникъ *Eger'a* и соответственно предлагать его этимологию (ср. Н. Марръ, *Крещеніе армянь, грузинъ, абхазовъ и алановъ*, стр. 169, прим. 1).

3) Вопросъ иной, не понималось ли абхазами въ эпоху ихъ господства названіе рѣки *A-tə* въ смыслѣ *рѣки Лошади* въ связи съ абхазскимъ словомъ *адѣ лошадь*, которое тогда могло имѣть глухой *t*, гесп. ტ *t* вм. средняго ჭ . Во всякомъ случаѣ обнаруженіе абхазскаго вліянія въ географической номенклатурѣ этого края имѣетъ реальное значеніе и для позднѣйшей его исторіи до эпохи грузинизаціи. Не менѣе реальное значеніе представляетъ то, что въ терминахъ явно абхазскаго происхожденія *A-t-i*, *A-ta-ga* на лицо лишь одинъ начальный согласный корня *tan* > *tn* совершенно такъ же, какъ въ терминѣ явно сванскаго происхожденія *la-z*, гесп. ლა *l* — лишь одинъ начальный согласный соответственной разновидности того же корня: *zun*, гесп. ჟუნ *z* > *zn*, гесп. ძნ .

объ отпаденіи и въ паузѣ: дессибиллизованная разновидность пра-формы этническаго термина tan или tan , т. е. $*\text{tau}\text{p}$ видоизмѣнилась въ tau съ этническимъ суффиксомъ или, что тоже, съ показателемъ множественности tau-q ; при сращеніи съ основою архаическаго именного окончанія « q » получается tauo , что полностью появляется въ спльных падежахъ хайскаго склоненія, напр. Р. $\text{tau}\text{p}\text{ng}$ $\text{tauo-}\dot{\text{q}}$, а съ потерей только полугласнаго « u » въ грузинскомъ tau (< tauo), названіи мѣстности, населенной этими «тайоями», наконецъ, при той же потерѣ « u », но съ этническимъ суффиксомъ $\dot{\text{q}}$ въ греческомъ $\text{T}\acute{\alpha}\sigma\chi\alpha\iota$, упоминаемомъ еще Ксенофонтомъ и лишь позднѣе вытѣсняемомъ у грековъ терминомъ $\text{T}\acute{\zeta}\acute{\alpha}\nu\alpha\iota$, лингвистически собственно отнюдь не болѣе позднимъ. То же самое произошло и съ ассбилованнымъ терминомъ $*\dot{\text{dau}}\text{p}$, разновидностью taup и ея эквивалентовъ: по утратѣ исходнаго p и сращеніи именного окончанія « o » съ этническимъ суффиксомъ $\dot{\text{q}}$, $*\dot{\text{dau}}\text{p}$ долженъ былъ переродиться въ $*\dot{\text{dau}}\text{q}\dot{\text{i}}$ (< $*\dot{\text{dauo-}}\dot{\text{q}}$), что и сохранилось (съ карѣскимъ, да и абхазскимъ раздвоеніемъ « o » въ wa , resp. va) въ видѣ dawaq-i , арм. dawaq ¹⁾.

Соотвѣтственно съ этимъ искомая разновидность $*\text{han}$, точнѣе $*\text{haup}$, законнѣйшая пра-форма этническаго термина hen'a ($\text{E}\nu\iota\sigma\chi\alpha\iota$), двойника hon'a ($\text{S}\acute{\alpha}\nu\text{p}$ hon-q), могла измѣниться въ весьма раннюю пору въ haup (съ этническимъ суффиксомъ $*\text{haup-}\dot{\text{q}}$), что при сращенномъ архаическомъ именномъ окончаніи (о) должно было дать hauo (съ этническимъ суффиксомъ $*\text{hauo-}\dot{\text{q}}$); все это, почти все это имѣется на лицо. Древніе армяне, а по традиціи отъ нихъ и новые, усвоили себѣ это названіе одного изъ яфетическихъ народовъ: каждый изъ армянъ называетъ и теперь себя $\text{S}\acute{\alpha}\nu\text{p}$ haup , древніе армяне въ цѣлости называли себя, равно свою страну $\text{S}\acute{\alpha}\nu\text{p}$ haup-q (< $*\text{haup-}\dot{\text{q}}$), а въ Р. падежѣ мн. ч. $\text{S}\acute{\alpha}\nu\text{p}\text{ng}$ $\text{hauo-}\dot{\text{q}}$ на лицо та же основа съ сращеннымъ именнымъ окончаніемъ.

Но эта разновидность нашего этническаго термина была прикрѣплена не только къ югу или къ предѣламъ Арменіи. На самомъ сѣверѣ прослѣживаемаго теперь яфетическаго міра за $\text{E}\nu\iota\sigma\chi\alpha\iota$ и $\text{Z}\acute{\iota}\gamma\alpha\iota$ еще въ I-мъ вѣкѣ до Р. Хр. находился, по свѣдѣніямъ грековъ, народъ $\text{A}\chi\alpha\iota\alpha\iota$: есть ли въ начальномъ а- этого этническаго термина результатъ приспособленія его къ обычнымъ для грековъ ахеямъ или, что по нѣкоторымъ даннымъ вѣроятнѣе, простой абхазскій префиксъ а-, въ обоихъ случаяхъ въ основѣ его лежитъ $\dot{\text{qau}}$ ($-\chi\alpha\iota-$), т. е. тотъ же haup съ подъемомъ спиранта h въ твердый $\dot{\text{q}}$, какъ это наблюдается и въ Арменіи въ нѣкоторыхъ діалектахъ, напр. мокскомъ ²⁾, да и въ Грузіи, Сваніи и т. п.

1) Когда въ хайскомъ это слово во мн. числѣ получаетъ окончаніе p q (dawaqp), то въ концѣ слова сходятся два вида ($\dot{\text{q}}$, q) одного и того же суффикса мн. числа.

2) Нѣтъ пока никакого основанія думать, что видъ со слабымъ h есть первичное яв-

Нельзя, однако, утверждать и того, что первичная форма этой разновидности *haup* не оставила никакихъ слѣдовъ въ мѣстной географической номенклатурѣ. Какъ на сѣверѣ въ предѣлахъ Кутаисской губерніи этнический терминъ *hon* сохранился въ названіяхъ сель и городовъ въ формѣ *qon-i* (< **hon-i*), *on-i* (< **honi*), такъ на югѣ въ предѣлахъ Арменіи разновидность того же термина съ потерей полугласнаго «у» — *han*, двойникъ *san'a*, съ сращеннымъ именнымъ окончаніемъ *i*, сохранился въ названіяхъ историческихъ городовъ *Հանի* *Han-i* на западной окраинѣ Арменіи, и то же *Հանի* *Hani* > *Անի* *Ani* у насъ въ Карсской области, гдѣ теперь, какъ извѣстно, — однѣ развалины.

При стоящихъ на очереди лингвистическихъ вопросахъ объ яфетическихъ элементахъ въ языкахъ Арменіи выясненіе происхожденія этническаго термина, которымъ до сего дня продолжаютъ называть себя армяне, имѣетъ вполне реальное значеніе. Ясное дѣло, что яфетическій языкъ энохскаго, геср. *hepoq'*скаго типа долженъ если не господствовать въ яфетическомъ слоѣ языковъ Арменіи, то лежать особо густымъ пластомъ въ его основѣ. Элементы лингвистическаго сродства языковъ Арменіи, съ одной стороны, — съ яфетическимъ слоємъ абхазскаго языка, съ другой — съ коренными особенностями сванскаго языка только и могутъ содѣйствовать въ первую очередь опредѣленію истой фізіономіи энохскаго языка. Для работы надъ этой дальнѣйшей задачей этнические термины теряютъ значеніе; они сами нуждаются въ разъясненіи, такъ, напр., въ отношеніи того, племена какого развѣтвленія обнимаетъ терминъ *hen'q'* (> *Ἐνωχοι*) и его фонетически дифференцированныя разновидности. Правда ли, что онъ, этотъ терминъ, — гибриднаго состава, т. е. по суффиксу *q'* — одного развѣтвленія яфетическихъ языковъ, а по основѣ — другого? Разновидности основы того же термина бываютъ снабжены вм. этническаго суффикса *q'*, показателя множественности, равнозначущими суффиксами другого развѣтвленія яфетическихъ языковъ, — то *iv*, напр. *Հանիւ* *han-iv*, то *ag*, напр. *Ճանար* *han-ag*. Не столько фонетическія въ самой основѣ перерожденія, сколько морфологическія колебанія въ образованіи мн. числа, заставляющія относить этнические термины отъ одного развѣтвленія языковъ къ другому, даже отъ одной группы къ другой, говорятъ ясно, что на нихъ, на

леніе, а съ твердымъ *q'* — позднѣйшее: какъ въ рядѣ разновидностей съ переднеязычнымъ начальнымъ звукомъ мы констатировали чередованіе слабыхъ согласныхъ съ сильными (*san* (> *zan*), *šan*, *tan*, *fan*, *đan*, *đan*), такъ имѣются соответственныя разновидности и съ гортаннымъ не только *haup*, геср. *hep*, *qaup*, геср. *qep* и т. п., но и *kaup* (קאװ, ср. также по существу совершенно правильно отождествляемыхъ Н. Г. Адонцемъ съ *цанами* Кену и *о-кен-итовъ*, *Арменія въ эпоху Юстиніана*, СПб. 1908, стр. 63 сл.), точный перебойный эквивалентъ разновидности *faup*, откуда не только *teup* (ՏԵՍԷ *teup-q*) и *fen* (ՖԵՆ *fen-eba*), но и *ʒeb* *fan-i*.

эти термины, полагаться нельзя, когда рѣчь идетъ о реальномъ ихъ содержаніи. Раскрытіе не политическаго, а природнаго этническаго значенія въ частности термина *Ἰνδοχαι* (< **hep°/i*q) цѣликомъ зависить отъ выясненія реальныхъ размѣровъ того лингвистическаго матеріала, который въ перечисленныхъ языкахъ можетъ быть признанъ, на основаніи сравнительной работы, эндохскимъ осадкомъ.

Впрочемъ, разновидности нашего термина въ настоящей работѣ отнюдь не исчерпаны. Но, когда я или кто другой вернется къ исчерпывающему, притомъ систематическому ихъ изложенію, то встанетъ вопросъ не только о полнотѣ перечня, но и о классификаціи разновидностей по принадлежности къ тому или иному типу яфетическихъ языковъ. Знакомые съ основами сравнительной яфетической фонетики, сами, по всей вѣроятности, не могли не намѣтить въ общихъ чертахъ этой классификаціи: напр., разновидности а) съ *s > t̃* (сюда же съ *đ* или *ḍ*) относятся къ *-s-* группѣ (картской), б) съ *ш > t̃* (сюда же съ *ḍ* или *ḍ̃*) — къ *-ш-* группѣ (такъ называемой тубал-каинской), в) съ *h > k, resp. q̃* (сюда же и *ğ*) — къ группѣ основнаго слоя сванскаго языка, что же касается разновидности съ десцибилованнымъ *t̃*, то она можетъ происходить и отъ картскаго (*t̃*) и отъ т.-к. (*t̃*) прототипа.

Выводъ изъ сказаннаго простой, для меня — единственный: пока, съ одной стороны, даже спеціалисты не берутъ на себя труда основательно познакомиться съ яфетидологическими работами въ предѣлахъ хотя бы печатнаго матеріала и въ полномъ невѣдѣніи ихъ результатовъ пишутъ о Кавказѣ, играя ихъ языками и племенами, какъ мертвыми шахматными фигурами, а съ другой стороны, новое христіанское миссіонерство поучаетъ абхазскій народъ ихъ родной рѣчи по создаваемымъ вновь переводнымъ литературнымъ памятникамъ, надо спѣшить учиться у абхазовъ ихъ живому языку, надо торопиться спасеніемъ устныхъ памятниковъ народной словесности, чтобы завѣтъ Услара, за которымъ полувѣковая давность, перестала, наконецъ, быть гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и тогда только получить наука полноту подлинныхъ матеріаловъ, которыхъ она жаждетъ для разрѣшенія цѣлаго ряда назрѣвшихъ историческихъ проблеммъ по кавказскому краю. Что для этого требуется прежде всего подготовка кадра работниковъ, внесеніе изученія абхазскаго языка въ кругъ академическихъ работъ и университетскихъ занятій, для меня также не подлежитъ сомнѣнію: дѣло должно начаться организаціею систематическаго университетскаго преподаванія не только абхазскаго, но и ближайше родственныхъ съ нимъ нелитературныхъ языковъ, если русской наукѣ суждено подняться въ изученіи кавказскаго многоязычія выше устанавливаемаго любителями и самоучками уровня.

Транскрипція абхазскихъ звуковъ 1).

Ифониолог. система.	Мягкіе или смягченныя.	Грузин. соотв.	Алфавитъ Переводч. комитета.	Ифониолог. система.	Мягкіе или смягченныя.	Грузин. соотв.	Алфавитъ Переводч. комитета.
1. а		а	а	29. w	з		—[ѵ]
2. б		б	б	30. ф	џ		џ
3. г		г	г	31. q	ј		ђ
3а.	г̣	МЯГК. џ (= џа)	ř (řv)	31а.	q̣	СМЯГЧ. ј (= ја)	ђ̣
4. д		д	д	32. џ̣	џ̣		ђ̣
5. д̣		д̣	д̣	32а.	џ̣̣	СМЯГЧ. џ̣ (= џ̣а)	ђ̣̣ (ђ̣̣v)
6. е		е	е ²⁾	33. к	к		к
7. в		в	в	33а.	к̣	СМЯГЧ. к̣ (= к̣а)	к̣
8. ы		дебел. џ	—	34. ш	ш		ш
9. z		з	з	34а.	ш̣ ⁷⁾	СМЯГЧ. ш̣ (= ш̣а)	ш̣
9а.	з̣	СМЯГЧ. з̣ (= з̣а)	—[з̣]	35. ш̣̣		—СЛИТН. ГУБН. ш̣ + з̣	ш̣̣
10. э		э ³⁾	v	36. ш̣̣̣		—СМЯГ. СЛИТН. ГУБН. ш̣ + з̣	ш̣̣̣
11. џ		џ	џ	37. џ̣	џ̣		ч
12. џ̣ ⁴⁾		губн. џ + џ̣	џ̣	38. џ̣̣		—дебел. џ̣̣	џ̣̣
13. і		и	і ⁵⁾	39. џ̣̣̣	џ̣̣̣		ц
14. к		к	к	40. џ̣̣̣̣		дебел. џ̣̣̣̣	—
14а.	к̣	СМЯГЧ. к̣ (= к̣а)	—[к̣]	41. џ̣̣̣̣̣		СЛИТНЫЙ ГУБН. џ̣̣̣̣̣ + з̣	ц̣
15. л		л	л	42. д̣	д̣		з
15а.	л̣	СМЯГЧ. л̣ (МИНГР. л̣а)	—[л̣]	43. д̣̣		СЛИТН. ГУБН. д̣ + з̣	з̣̣
16. м		м	м	44. т̣	т̣		ц̣
17. н		н	н	45. т̣̣		—дебел. т̣̣	—
17а.	н̣	СМЯГЧ. н̣ (= н̣а)	—[н̣]	46. т̣̣̣ ⁸⁾		СЛИТН. ГУБН. т̣̣̣ + з̣	ц̣̣̣
18. у		у	—[й]	47. т̣̣̣̣	т̣̣̣̣		ч̣
19. о		о	о	48. т̣̣̣̣̣		—дебел. т̣̣̣̣̣	џ̣̣̣̣̣
20. р		р	п	49. қ̣	к̣		х
21. ј		ј	ж	49а.	қ̣̣	МЯГК. к̣̣ (= к̣̣а)	х̣̣
21а.	ј̣	СМЯГЧ. ј̣ (= ј̣а)	ж̣	50. д̣̣̣	з̣̣̣		ц̣̣̣
22. ј̣̣		СЛИТН. ГУБН. (к̣̣ + ј̣̣) + з̣	ж̣̣	50а.	д̣̣̣̣	МЯГКИЙ з̣̣̣̣ (= з̣̣̣̣а)	ц̣̣̣̣
22а.	ј̣̣̣	СМЯГЧ. СЛИТН. ГУБН. (к̣̣̣ + ј̣̣̣) + з̣	ж̣̣̣	51. h ⁹⁾		—БОЛѢ ГЛУБОКИЙ СПИРАНТЬ ЧѢМЪ h ГРУЗ. ḥ	h
23. г		г	р	52. ḥ		—СЛІЯНІЕ ТОГО ЖЕ ЗВУКА СЪ з̣	ḥ
24. s		с	с	53. f	ф		ф
25. ṣ		дебелый с̣	—[с̣]	54. ф̣ ¹⁰⁾		—СЛИТН. з̣ + ф̣ СЪ ПРЕДШ. СПИРАНТОМЪ, БЛИЗКИМЪ КЪ с̣	ф̣
26. т		т	т				
27. т̣ ⁶⁾		СЛИТН. ГУБН. т̣ + з̣	т̣				
28. ц		ц	у				ц

1) Ср. П. Г. Чарая, ц. с., § 11, стр. 55—56. 2) Слѣдовало бы э. 3) Наличный въ сванскомъ и мингрельскомъ, равно въ языкахъ Арменіи (ц). 4) а не т̣. 5) Было бы послѣдовательнѣе — и. 6) а не т̣. 7) а не ш̣̣̣. 8) а не џ̣̣̣̣̣. 9) а не h = ḥ. 10) а не џ̣̣̣̣̣̣.

Яфетическая вѣтвь языковъ

(съ лингвистическими терминами вм. этническихъ въ названіяхъ родовъ и видовъ)

